

Виктор Минаков

ЗАГОГУЛИНА

РАССКАЗЫ, ФЕЛЬЕТОНЫ, ПАМФЛЕТЫ

Виктор Минаков

**Загогулина. Рассказы,
фельетоны, памфлеты**

«Издательские решения»

Минаков В.

Загогулина. Рассказы, фельетоны, памфлеты / В. Минаков —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-900383-6

Характеры героев произведений неоднозначны, их иногда сложно определить по известной дихотомии: положительный — отрицательный, и автор намеренно не берется за такую задачу, он предоставляет это сделать читателю. Материала для размышлений достаточно — практически каждое повествование.

ISBN 978-5-44-900383-6

© Минаков В.
© Издательские решения

Содержание

Биография суеверия	6
На кухне	15
Кассета	20
Упускаемый шанс	27
Ноу – хау	33
Полезный совет	62
Потрошенный презент	64
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Загогулина

Рассказы, фельетоны, памфлеты

Виктор Минаков

© Виктор Минаков, 2017

ISBN 978-5-4490-0383-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Биография суеверия

Лето 1989 года не выходило за рамки обычных погодных условий для этого периода года: в меру тепло, в меру пасмурно. Таким же обычным был и август, когда Владимир Степанович Ухов возвращался домой. Это был худощавый мужчина лет, по его виду, под шестьдесят, среднего роста, с понурым лицом, длинной морщинистой шеей и матовой лысиной на макушке.

Возвращался он поездом, который совсем не любил: время здесь тянулось медленно и тоскливо, казалось, что оно проходит без всякого смысла, и просто крадется из человеческой жизни. Но самолет ему не нравился еще больше, он его откровенно боялся, тошнить его начинало уже перед трапом, и весь перелет он только и думал о катастрофах.

Чтобы как-то скоротать тягучее время, Владимир Степанович подолгу стоял в коридоре напротив купе и отрешенно смотрел за окно. Плывшие перед глазами картины лишь изредка выводили его из состояния погруженности в себя. Когда ноги у него уставали, он шел в купе, забирался на верхнюю полку, ложился на спину и устремлял свой взор в потолок. Под монотонный шум поезда и пустопорожние разговоры случайных попутчиков, с которыми он так и не познакомился, Ухов раздумывал о своем.

С отпуском ему явно не повезло – это была исходная мысль в его размышлениях. Он вспоминал, как в один день получил путевку в Ялтинский санаторий и письмо от матери из дальнего сибирского городка.

В Ялте было солнечно и тепло, а на севере, где жила его мать, всюду гуляла дождливая осень.

Мать писала, что сильно болеет и просит сына приехать, повидаться, возможно, в последний разок. Владимир Степанович, уже оформивший отпуск, вернул путевку и поехал на север. Это было четырнадцать дней назад. Сейчас он возвращался домой и нещадно бичевал себя за такой опрометчивый выбор.

Зачем он поехал?!.. Мать его жила не одна – в семье младшего сына, родного брата Владимира Степановича. Живут они хорошо, в достатке, ни в чем, по их же словам, они не нуждаются. Здоровье у матери было в норме, в соответствии с ее возрастом. На этом фоне жалобное письмо, вызвавшее к его сыновним чувствам, Ухов теперь рассматривал как каприз. «Стоило тащиться поперек всей страны только за тем, чтобы посмотреть друг другу в глаза да пару часов повздыхать и поохать!.. Со стороны, конечно, все кажется умилительно: мать позвала, и сын немедленно помчался. Идиллия, да и только! А если взглянуть без эмоций?!.. Сам почти что старик, нервы расшатаны, самому надо упорно лечиться, а я почти дармовую путевку в солнечный санаторий выбросил, словно мусор! Кто-то сейчас нежится там, на песочке у моря, а я, старый сентиментальный дурак, трясусь в этой душной коробке и восхищаюсь: ах, какой я хороший, ах, какой я заботливый сын! Тьфу! Прости меня, Господи...»

Чашу с веществом под названием самоедство Владимир Степанович вычерпал всю без остатка и продолжал вылизывать ее до тех пор, пока на доньшке не увидел слова: того, что прошло, ты уже не воротишь, думай о предстоящем. И он наконец-то смирился. «А в общем-то и у нас сейчас превосходное время, – с усилием направил он свои мысли по другому пути. – Тот же купальный сезон, можно и у нас, если с умом, полноценно устроить свой отдых».

Под дробный перестук вагонных колес, отмерявших бесконечные километры, он начал перебирать различные варианты заполнения остающихся дней своего отпуска. «Лучше, конечно, уехать сразу в деревню, – склонялся он к такому решению. – Побывать там у шурина, порыбачить... В городе отдохнуть не удастся: встретишь случайно кого-нибудь из сослуживцев и придется идти на работу, хотя бы за тем, чтобы просто там показаться. Иначе, начнут перемалывать косточки: вот он, дескать, какой: даже не зайдет, не узнает, как идут дела в коллективе, не то, что Юрий Борисович – тот с курортов звонит по три раза в неделю».

Ухов заведовал отделом труда в областном управлении местным хозяйством. Там было все годами отлажено, все устоялось, и жизнь текла бы размеренно и спокойно, если бы не сплетни – бич коллектива управленческих интеллигентов. Сплетни и доносы друга на друга находили питательную среду в характере и поведении Юрия Борисовича Клюева, начальника управления, человека высокомерного и, по мнению Ухова, наделенного нездоровой, неполноценной психикой. «Таким людям нельзя власть доверять, – частенько думал Владимир Степанович. – Как рога бодливой корове».

Но Клюев власть имел и пользовался ей почище, чем лесной разбойник дубинкой. С этим фактом приходилось считаться и всегда держать себя осмотрительно, настороже. «Нет, в городе как надо не отдохнешь, – сокрушался Владимир Степанович то у окна, то на полке, – Надо будет сразу уехать».

Брат его жены, Николай, жил в старинном рыбацком поселке, в двух часах езды на автобусе. Уховы нередко проводили там выходные и всегда оставались довольны.

Выйдя на перрон, Владимир Степанович облегченно вздохнул полной грудью: нудное путешествие наконец-то закончилось. Он поставил у ног свои вещи: небольшой чемодан и портфель и с удовольствием осмотрелся. День был теплый, солнечный, тихий. Небо – высокое и пустынное, без намеков на облачность, только стайка разных цветов голубей, резвившихся невдалеке над домами, несколько оживляла этот застывший серо-голубой купол. На перронных часах было четверть двенадцатого.

Ухова не встречали. Он не терпел вокзальные сцены с их поцелуями и объятиями, а в этот раз он даже не сообщил жене о приезде – не знал точное время: у него было две пересадки на проходящие поезда.

Толпа пассажиров быстро редела. Владимир Степанович постоял еще пару минут, взял в руки багаж и тоже направился к выходу.

Его квартира находилась неподалеку, в доме, фасад которого смотрел на привокзальную площадь, выйти к нему можно было прямо с перрона, но Ухов предпочел другой путь, подлиннее, через вокзал. Он захотел в буфете или в ларьке купить бутылку вина, чтобы отметить конец своего неинтересного путешествия и начало настоящего отдыха.

Шагая к дверям вокзала, он мысленно отмечал не ухоженность и неказистый вид места, который считается лицом и воротами города. Повсюду валялись обрывки газет, пустые пачки от сигарет, окурки, обгоревшие спички... С переполненной мусором урны к ногам Ухова прыгнула грязная кошка черного цвета, на ее спине он заметил крупный лишай.

– Брысь! – крикнул с омерзением Владимир Степанович и топнул ногой.

Кошка взглянула на него желтым сверкающим взглядом, угрожающе зашипела и бросилась наперерез. У края перрона она остановилась, опять повернула голову в сторону Ухова, фыркнула злобно и прыгнула под вагон.

Ухов не верил в приметы и не стал выполнять никаких рекомендованных для таких случаев действий: не стал сплевывать через плечо или складывать пальцы в кукиш, он безбоязненно пошел себе дальше. Встреча с этим черным и грязным полудиким животным вызвала у него только неприятное чувство, но оно скоро прошло.

Здание вокзала имело два этажа. Верхний этаж, где размещался зал ожидания и небольшие киоски, находился на одной отметке с перроном, нижний – на уровне привокзальной площади.

Зал ожидания Ухов пересек скорым шагом: здесь по таборному расположились большие группы кавказцев, крикливое поведение которых он плохо переносил. Спустившись вниз, он пошел медленнее, направился было к буфету, но, вздрогнув, остановился.

Неподалеку, у справочного бюро, он увидел то, чего хотел бы видеть сейчас меньше всего, чего опасался во время своих размышлений на тряской поездной полке. Возле бюро стояла

Ерохина, работник банно-прачечного отдела их управления, которую Владимир Степанович считал первой сплетницей в городе. «Вот она – черная кошка! – возникла в голове у него первая суеверная мысль.

Ерохина была увлечена разговором с незнакомым Ухову гражданином, и еще оставалась надежда, что она его не заметит. Он съезжился и воровато, бочком, стал двигаться к двери, ведущей на улицу.

– Придется завтра сходить на работу, – сказал Владимир Степанович супруге после того, как улеглась суета, вызванная его неожиданным появлением.

– Зачем?!.. У тебя же больше недели в запасе!.. Да ты и не отдохнул по нормальному... А как ты там появился, считай, что твой отпуск закончился...

– Придется, – повторил Ухов со вздохом. – Понимаешь, встретил на вокзале одну из наших бабенок, чтоб ей... Сплетница первой руки! Всем уже, поди, разнесла, как сорока, что я в городе. До Ключева дойдет – будет потом утыкать то и дело: «Не болеешь за коллектив, высиживаешь в отпуске до последней минуты!» Чем старее он становится, тем поганей! Он как-то заявил: задача хорошего руководителя – не давать подчиненным спокойной жизни!.. Совсем из ума выживает!

– Когда же он, наконец-то, угомонится? Он же – пенсионер?..

– По возрасту – да, но он до сих пор даже не оформляется. Он и не думает уходить, говорит – умру на работе!.. Похороните меня, говорит, а над могилой парок будет виться, как над вулканом, вот, дескать, сколько еще энергии... Сколько работаю с ним, а никак не пойму: или он рисуется трудоголиком, или на самом деле такой... Здесь бы до пенсии как-нибудь проскрипеть, последние недели считаешь, часа лишнего не задержусь!.. Потому-то и надо идти – нельзя давать ему повод для издевательств... Побуду часок, поразведу обстановку и сразу домой... Может, к брату твоему съездим потом... Как они там?..

– Звонил он два раза, спрашивал, когда ты сможешь приехать...

Утром после завтрака Ухов отправился в управление. Уже спустившись на два этажа, он вспомнил, что позабыл про очки. Одна пара очков у него всегда была на работе, но перед отпуском все свои вещи он переправил домой. «Надо вернуться, – забеспокоился Владимир Степанович. – Там обязательно придется просматривать документы, а как без очков?»

– Пути не будет, – не преминула заметить жена, отыскав очки на журнальном столике.

– Что ж, не идти теперь из-за этого? – спросил ее Ухов с досадой. – Язык у вас, женщин, интересно подвешен: если есть возможность сказать неприятное, обязательно скажут!

– Да я так, ничего, – смутилась супруга. – Все так считают... Пустое, конечно...

Выходя из подъезда, Владимир Степанович получил еще один повод подтвердить свое невысокое мнение о женской тактичности. Ему навстречу попала соседка, ходившая выбрасывать мусор.

– Ох, неудобно-то как, Владимир Степанович! – запричитала она тонким голосом. – С пустым ведром вас встречаю! Примета больно плохая... Ну, ладно, ладно, вы не печальтесь – я не глазливая. Дай-то бог вам всего, дай-то вам бог!..

Ухов поздоровался с женщиной суховато, вышел на улицу и постарался выкинуть из головы эти малозначащие, по его убеждению, слова из области мистики.

День был хорошим, торопиться ему было не надо, и Ухов решил прогуляться по городу. Он не спеша пересек старинный тенистый парк, отмечая признаки близкой осени, долго стоял на мосту через городскую речушку и смотрел на усидчивых рыболовов, потом пошел на центральную улицу. Движение транспорта было на этой улице запрещено, и люди толпами бродили по всей ее площади. Постепенно он дошагал и до улицы, где находилось управление местным

хозяйством. Моцион его оказался приятным. «Вот тебе и „дороги не будет“, вот тебе и „ведра пустые“, – хмыкнул он, вспомнив про утренние прогнозы. – Бабские бредни!..»

Сначала Ухов наметил зайти в мастерскую: он вчера обнаружил, что у ванны подтекает смеситель, и хотел получить у слесарей нужную консультацию или помощь. Мастерская находилась во дворе, примыкавшем к зданию управления, там же размещались гаражи для служебных автомашин. Двор был большой, всегда чистый, покрытый асфальтом. Ближе к дверям управления в нем красовалась цветочная клумба, с ней рядом – беседка, где любили отдыхать управленцы в свободное время.

Сейчас двор был пустым, и только повернув к мастерской, Ухов увидел здесь своего сослуживца, Ивина, работавшего главным экономистом. Они, несмотря на разность характеров, находились в приятельских отношениях и вместе иногда посещали популярную финскую баню.

Ивин, всегда жизнерадостный и общительный, сейчас почему-то выглядел опечаленным. Сдержанно поздоровавшись, он прошел было мимо, но Ухов придержал его за рукав.

– Минутку, Семен Иванович, куда так спешим?!.. Приехал, понимаешь ли, только вчера от матери, почти с того конца света, еще отпуска половина осталась, а, представь себе, не могу! Душа болит о работе. Решил побывать вот, узнать о делах... Как здесь у нас?..

– Да так, – ответил Ивин неопределенно. – По-разному... У кого как...

– Ну, а все-таки?.. Я в поезде слышал краешком уха, что Бабайцева опять передвинули?..

Бабайцев – популярная личность в городе, что-то вроде деревенского дурачка. Сам по себе он – человек неплохой: безобидный, старательный, но абсолютно негодный для роли руководителя. Его, по мнению многих, потолок – бригадир маляров-штукатуров, к примеру, в крайнем случае – мастер. Однако тесть Бабайцева, городской прокурор, этого или не понимал, или не хотел с этим мириться и делал титанические усилия, чтобы вырастить из туповатого зятя хоть какого номенклатурного кадра. Пока такие попытки не удавались: после трех-пяти месяцев паузы требовалось новое перемещение. С Бабайцевым мучились и начальники, и его безвинные подчиненные, да и он сам был не в восторге от амбиций своего тестя. Над прокурором, за глаза, потешались, зятя его, скорее, жалели.

Когда Ухов уезжал к матери, Бабайцева запихнули в кресло заместителя начальника торгового управления. Разговор о нем Владимир Степанович начал не потому, что был охотником до городских пересудов, он просто хотел растормошить Ивина, узнать, почему тот так изменился, и какие дела происходят в их собственном управлении. Вопрос о судьбе прокурорского зятя он использовал как проверенный способ втянуть в разговор даже малоактивного собеседника.

Но Ивин на эту хитрость отреагировал вяло:

– Да там же он, твой Бабайцев, чего ему сделается... В том же управлении торговли. Только отделы его кураторства поменяли. Сейчас он там кем-то, как главный завхоз.

– Вот даже как?!.. Ну, а у нас какая погода?..

Ивин передернул плечами и промолчал.

Из дверей гаража вышел Сашка, персональный шофер начальника управления. В руках у него было пластмассовое ведро и мокрая тряпка. С натянутой, будто застывшей улыбкой и замороженным взглядом, Сашка прошел мимо и не поздоровался. Ухову поведение всегда приветливого человека показалось странным, и он озадаченно уставился на спину удалявшегося шофера. И тут же он заметил, что их с Ивиным тоже разглядывают: почти в каждом окне управления виднелись две-три головы, преимущественно, женские.

– Чего они на нас так тарашатся, как на диковину? – спросил недоуменно Владимир Степанович.

– Узнаешь, – усмехнулся Ивин невесело. – Ну, мне действительно некогда, извини.

Он приподнял в прощальном приветствии руку, повернулся и быстро пошел к воротам.

– Как дела здесь, Санек? – Ухов теперь обратился к шоферу, идущему обратно с ведром, полным воды.

– Нормально, – ответил тот чуть небрежно, потом, помедлив, добавил. – Зря вы с ним так миндальничали: шеф его выгоняет с позором.

– Да что ты?! – ахнул Владимир Степанович. – За что?!..

Рот его приоткрылся, сердце вдруг нервно заколотилось, стало трудно дышать. Он машинально двинулся вслед за шофером, а когда они оказались внутри гаража, повторил свой вопрос:

– За что?.. Что здесь такого случилось?!..

– Кляuzu кто-то подбросил в газету, – ответил шофер. – Шеф вычислил, что это он, Ивин. Его Ерохина видела возле редакции.

«Опять эта Ерохина!», – констатировал Ухов со все нарастающей тревогой. Он почувствовал, что может стать невольным участником какой-то непонятной и опасной интриги. Услужливое воображение немедленно выдало крайне нежелательный вариант ее развития: Клюев узнает о его приятельских отношениях с Ивиным (а они налицо) и автоматически распространяет свою неприязнь на него, Ухова, со всеми вытекающими из этой неприязни последствиями. Последствия могут быть жесткими, даже не исключено увольнение. «И это перед самым уходом на пенсию! – запаниковал Владимир Степанович. – Какая напасть на мою голову!.. Ивин – враг Юрия Борисовича, а я, выходит, с ним заодно!» В памяти всплыл афоризм, часто употребляемый Клюевым: «Тот, кто дружен с врагом, сам есть враг!»

Быть причисленным к явным недругам Клюева Ухов категорически не хотел, об этом он не мог даже думать. «А все выглядит именно так!.. Надо выбираться из этой пакостной ситуации!»

Многолетний опыт чиновничьей службы подсказал Владимиру Степановичу спасительный путь. «Надо, – соображал он, – немедленно и демонстративно отмежеваться от Ивина! Чтобы все увидели и поняли это!»

– Да что же он так?! – почти с искренним возмущением воскликнул Владимир Степанович. – Вот ведь какой негодяй!.. А я-то, я-то! Действительно! Могут подумать, что и я заодно!.. Но я же, Саша, не знал ничего! Я абсолютно не в курсе, могу поклясться тебе!.. Я только вчера с поезда, и ни с кем еще не встречался. Правда, встретил Ерохину на вокзале, но издали, ни словом не обмолвился с ней... Надо же так!.. И он как назло мне первый попался, будто наколдовал кто!

Торопясь озвучить эти слова, Ухов вдруг вспомнил и злобный взгляд черной кошки, перебежавшей ему на вокзале дорогу, и тревожные возгласы женщин – жены и соседки. «Неужели действительно есть какая-то связь?!.. Наверно, все-таки есть: ведь это – вековые приметы! Чем-то же они обоснованы!» И он начал почти содрогаться от страха перед вполне реальными неприятностями. «Что будет, что будет, когда Клюев узнает, как я любезничал с этим доносчиком! – об Ивине он стал уже думать с оттенком презрения и неприязни. – А ему доложат именно так – любезничал! И доложат незамедлительно – вон сколько языкастых голов торчали у окон! Это – беда! Надо действовать через Сашку! Вдолбить в его пустую башку, что я-то здесь не при чем, случайно вляпался в эту кашу!.. Сашка может объяснить это Клюеву – он в доверии у Юрия Борисовича, он может помочь... Если захочет, конечно... Надо, чтобы он захотел!»

– То-то, смотрю, что дерганый весь, – заговорил опять Ухов, наблюдая как за шофер натирает старательно капот черной «Волги». – Я его про здоровье Юрия Борисовича спрашиваю, а он весь скривился, как будто я чертом интересуюсь... Кто же мог знать, что он такой негодяй?!..

Ухов не спрашивал, что было написано в том послании в редакцию, и как мог безобиднейший Ивин решиться на такой подвиг, и он ли, на самом-то деле написал это «что-то» в газету.

Сейчас Владимиру Степановичу было не до этих деталей. Он думал сейчас о себе, думал, как оградиться от вполне возможного урагана несчастий. Возмущаясь Ивиным-негодяем, он следил за реакцией клюевского шофера, но тот молчал и натирал до блеска машину. Ухов уже высказал все, что приходило на ум, но так и не понял – вставит ли шофер за него хоть словечко в разговоре с непредсказуемым Клюевым. Глубоко вздохнув, Владимир Степанович вышел из гаража и во дворе остановился в раздумье. «Куда идти в таком состоянии?.. Домой? Нет – истерзаешься весь от неизвестности обстоятельств!.. Надо все гасить здесь, пока в большой пожар не раздули, Надо мне самому рассказать Клюеву, как все получилось, надо опередить сплетников».

Приняв такое мужественное решение, он зашагал к дверям управления.

В приемной, у стола секретаря, оживленно говорили о чем-то три женщины, две были из экономического отдела, где работал Ивин. Увидев Ухова, женщины смолкли. Он поздоровался и спросил на месте ли Юрий Борисович. Секретарь сдержанно, как ему показалось, ответила, что Юрий Борисович здесь, но он очень занят и будет занят до вечера, а сейчас у него находится Шпорина. «Еще одна сплетница», – подумал Ухов тоскливо, вспомнив, что ее голова яснее других виднелась в окне, когда он тормошил Ивина.

В приемной продолжала стоять тишина, что было несвойственно женщинам, когда их больше одной. Ухов ощущал, как их косые любопытно-отчужденные взгляды ощупывают его, он понимал, что ему нужно уйти: секретарь же ясно сказала, что Клюев его не примет, но он оставался, еще надеясь на что-то.

Время шло, а Шпорина не выходила. Вскоре в кабинет начальника управления прошли главный бухгалтер и старший инспектор по кадрам. Ухов поздоровался с ними, и ему опять показалось, что ответ их был не очень приветливым, не таким, как обычно. «Тем более странно, – совсем опечалился он. – Ведь я две недели отсутствовал на работе. Могли бы спросить, хотя бы из вежливости, – как, мол, тебе отдыхается?»

– Сейчас начинается совещание, – сказала секретарь повышенным голосом, и Ухов понял, что эти слова для него: «Выгоняет!»

Остаться в приемной было уже неприлично и, главное, бесполезно, и Владимир Степанович вышел. Он постоял несколько минут в одиночестве в коридоре, затем направился в свой отдел.

Окна отдела, которым заведовал Ухов не выходили во двор, где он беседовал с обреченным экономистом, но это не означало, что сюда не проникли известия об их интригующей встрече: сплетни здесь распространялись со скоростью звука.

В комнате, так же, как и в приемной смолкли, как только он показался в дверях. Ухов тяжело шагнул внутрь.

– Здравствуйте, Владимир Степанович, – пропела Колючкина приторным голосом, она замещала Ухова на время отпуска. – Не рановато ли вы?.. Хорошо отдохнули?..

– Отдохнул-то я ничего, спасибо, – ответил Ухов. – Только здесь сразу в историю впутался. И не по своей воле... Что тут стряслось с Ивиным?.. Я с ним во дворе расшаркиваюсь, а он, смотрите-ка – вон каким подлецом оказался!.. Вот люди! Раскуси их, попробуй!.. Я помню, как Юрий Борисович ему и с квартирой помог, и дочь его после института пристроил, а он... Какую пакость насочинял!!

Женщины жадно впились глазами в Ухова, он был единственным мужчиной в этом отделе и, обычно, очень неразговорчивым.

– О чем это вы говорите, Владимир Степанович?! Какая пакость? Кто ее сделал? Да неужели?!..

Вопросы сыпались, как зерно из мешка.

– Да как же, – отвечал Ухов, заметно волнуясь. – Будто вы сами не знаете!.. Он же в газету целый донос написал! Мне только что об этом сказали! Жалко, что поздно!.. Он там что-то такое нагородил, что Юрий Борисович его выгонять собирается!

Шеи у женщин стали вытягиваться, глаза округлились, а Владимир Степанович продолжал горько сетовать:

– Вот такие дела!.. И я попался, как курица в ошип!.. Стою, беседую с ним, как с порядочным, а он того стоит?!.. Чего про меня теперь будет думать Юрий Борисович?.. Он его выгнать решил, а я, вроде как, стою и обсуждаю с ним это решение! Нехорошо-то как получилось! Ох, как нехорошо!..

Говоря так, Ухов очень надеялся, что его раскаяние дойдет до вездесущих ушей бесноватого Клюева, и чтобы оно казалось чистосердечным, он еще много и страстно клеймил злополучного Ивина, а также себя за потерю бдительности и осторожности в выборе собеседников.

После долгой исповеди и самоуничужения он покопался в ящике своего стола, посидел молча, ожидая реплик сочувствия, но люди молчали, настороженно замкнувшись в себе. Владимир Степанович шумно и горестно повздыхал, попрощался с сотрудниками и опять потащился в приемную.

Там он узнал, что совещание у Клюева продолжается, вернее, одно недавно закончилось, но сразу же началось новое, теперь со снабженцами. Такие совещания длятся непредсказуемо долго. «Не торчать же мне здесь у дверей для всеобщих насмешек», – прикидывал в уме Владимир Степанович. Он бы и «поторчал», насмешки его не очень смущали, на фоне глубоких переживаний они могли оказаться даже очень полезными – показали бы степень его страданий. Ухов опасался другого: во время производственных совещаний Клюев, распекая своих подчиненных, доводил себя до крайнего возбуждения, становился грубым и злым, и обращаться к нему, находящемуся в таком состоянии, было бы неосмотрительно и даже опасно. «Я, пожалуй, сделал все, что можно было сделать сегодня», – подумал Владимир Степанович. Он посмотрел с сожалением на недоступную дверь, обитую коричневой кожей, на чопорную секретаршу, увлеченную созерцанием своих длинных ногтей, и ссутулившись, как напроказивший школьник, поплелся домой.

Жене он ничего не сказал о случившемся – она бы только добавила горечи в его душу, стала бы, как всегда, причитать и говорить ему то, что он сам уже осознал, пережил и предпринял какие-то меры для ухода от неприятностей.

Через день Владимир Степанович сделал еще одну попытку встретиться с Клюевым, но и она была неудачной. Секретарь сказала ему, что начальник управления в командировке – срочно вызван в Москву. Полезным в этом посещении управления было для Ухова то, что он не заметил признаков отчужденности и неприязни к себе, что позавчера мерещилось ему в каждом встреченном здесь человеке. Секретарь Клюева говорила с ним вежливо и благожелательно, а это, по мнению Владимира Степановича, – верный признак того, что и сам Клюев не имеет сейчас ничего дурного против него.

На сердце Ухова несколько полегчало, он подумал, что ему, благодаря хорошо разыгранным сценам с раскаянием, удалось избежать столкновения с Клюевым, которого он не любил и боялся одинаково сильно.

Об Ивине Владимир Степанович никого больше не спрашивал: опасался быть заподозренным в неискренности его осуждения.

Остаток своего отпуска Ухов провел относительно хорошо: ездил в село, рыбачил, купался. В управление он больше не ходил, а течь у смесителя ванны ему устранили работники ЖЭКа.

Первый рабочий день его проходил в нормальной деловой обстановке, если опустить то, что начался он с маленькой неприятности: за завтраком Владимир Степанович, потянувшись

за хлебом, нечаянно опрокинул солонку. Он обеспокоено взглянул на жену: после случаев с черной кошкой, возвращением за очками и встречи с женщиной, тащившей пустое ведро, он не то, чтобы стал суеверным, но отмахнуться от этих примет уже как-то не мог.

– Говорят, что просыпать соль – к ссоре? – смущенно произнес Владимир Степанович.

– Медведь неуклюжий, – упрекнула его шутливо жена, восстанавливая на столе порядок. – Считай, что ссора уже состоялась. Забудем об этом.

И Ухов сумел отключиться от мыслей о неприятном.

Колючкина быстро ввела его в курс текущих проблем, он ответил на все вопросы любопытных сотрудников относительно своего отпуска и жизни в других городах, где ему удалось побывать за время своей поездки на север. После обеда Владимир Степанович уже полностью вошел в рабочую колею, уверенно, со знанием обстановки, отвечал на телефонные обращения и сам сделал несколько звонков на подшефные предприятия. О казусе с Ивиным он не вспомнил даже в обеденный перерыв, и когда ему по внутренней связи секретарь Клюева передала, что тот его вызывает к себе, Владимир Степанович нисколько не встревожился. Он был уверен, что его вызывают по вопросам работы отдела. Он взял папку с рабочими документами, провел ладонью по лысине и, как обычно, с достоинством вышел из комнаты.

Ждать приема ему не пришлось ни секунды.

– Входите, входите, – секретарь рукой показала на дверь кабинета, – Юрий Борисович один, он только вас дожидается.

В глазах всезнающей секретарши мелькнула тревожная тень, но Ухов ее не заметил. Он в полном спокойствии вошел в кабинет, закрыл за собой массивную дверь и... замер у входа.

Клюев резко, как будто в его изнеженный зад всадили сапожное шило, соскочил с кресла и ринулся к Ухову.

– Ты ш-ш-то?! – зашипел он в яростном гневе. Губы его кривились, разбрызгивая слюну, седые усы топорщились, и Ухов сразу же вспомнил шипенье вокзальной кошки. – Ты што про меня распускаешь дикие сплетни?! Это я-то, по-твоему, расправляюсь за критику?! Я?!.. Я, который вас всех вынянчил и взлелеял?! И до сих пор таскаю, как слепых котят вот в этих ладошках! Оберегаю, чтобы не шлепнулись об асфальт голыми задницами!.. Так ведь и будет, стоит мне только развести руки!

Взгляды двух седоголовых мужчин сошлись друг на друге. Зрачки у Клюева сузились и, казалось, что испепеляющие лучи вонзились в расширенные от страха зрачки Владимира Степановича. Он задрожал вдруг, как холодец: он понял причину бешенства нависшего над ним начальника управления. Это он, Ухов, своими пространными оправданиями и объяснениями причин отмежевания от Ивина, создал обстановку, в которой Ивин стал недостижим для Клюева: кто захочет приклеить себе ярлык душителя критики?! «Своей болтовней я защитил Ивина надежной броней! Докажи теперь, что сделал это я непродуманно!»

– Тебе что, больше нечем заняться?! – раскатисто гремел начальственный голос, сбивая обрывки мыслей несчастного Ухова в кучу, как мусор.

– Что вы..., – залепетал он. – Да я же... Да мне...

– Да я, да мне! – повторил язвительно Клюев. – Замекал!.. Тебе сколько осталось до пенсии?.. Между прочим, отдел твой без тебя этот месяц от-лич-но сработал! Я проверял! Поразмысли над этим!.. Иди!..

Клюев еще раз обдал Ухова уничтожающим взглядом и повернулся к нему спиной.

Владимир Степанович почувствовал вдруг необыкновенную слабость, у него внутри как будто что-то лопнуло или сломалось, в животе возникло бурление, ноги стали чужими. Из кабинета он выбирался с трудом, как беспомощный паралитик.

В коридоре, за дверью приемной, он увидел группу работников управления, обступающих Ивина. Ивин был весел и рассказывал что-то, как видно, смешное. Взглянув на Ухова, он замолчал и демонстративно от него отвернулся, и продолжил разговор с сослуживцами.

«Тебе бы бегать за мной и спасибо мне говорить, а не мордой ворочать, – вяло подумал Владимир Степанович. – Видали бы тебя здесь, писака вонючий, если бы не моя глупость».

При общем невнимании к себе он прошел мимо, в отдел, там тяжело опустился на стул и остаток рабочего дня провел в глубоком и мрачном раздумье.

Домой пошел он пешком. В городском парке, через который он брел, щебетали шустрые воробьи, с деревьев плавно падали листья, раскрашенные осенними красками, на лавочках сидели отдыхающие горожане, но Ухов не замечал ничего, сейчас его мысли занимало другое. «Вот она – ссора! – констатировал он, вспоминая сбитую утром солонку. – Ссора так ссора! На все сто процентов!» Он был угрюм и погружен в себя. Ко всем неприятностям, которые он ощущал и осмысливал, добавилось непреходящее бурление в его животе. «Дотерпеть бы до дома, – тревожился Владимир Степанович. – Может в обед дали что-то несвежее?»

Обедал он столовой при администрации области, она всегда была под контролем у санитарных врачей, но мало ли что... Живот все настойчивей напоминал о себе, и Ухов прибавил шагу. При виде подъезда, он уже готов был перейти на тротуар, но вдруг остановился, как перед стеной.

Дверь в лестничную клетку была настежь открыта, но перед ней сидела соседская кошка. Пушистая, белая, чистая. Кошка лизала переднюю лапку и терла ей мордочку.

Владимир Степанович стоял и смотрел на прихорашивающегося зверька. «Прогнать? – лихорадочно искал он решения. – А что толку?.. На вокзале прогнал, а что после этого получилось?!.. Жена обратила соль на себя, а Клюев отмутузил меня, как ребенка!.. Нет, подожду, не буду на этот раз судьбу искушать, пускай кто-нибудь раньше проходит...»

– Чего задумался? – раздался за спиной голос супруги. – Устал, небось, с непривычки?.. А я вот прогулялась за хлебом... Идем, пока все горячее...

– Иди, иди, приготавливай там, – оживился Владимир Степанович. – Я сейчас, Постою немного на воздухе – целый день провел в кабинете.

– Ну, давай тогда вместе. Я тоже совсем не выходила из комнаты.

И супруга его опустилась на лавочку. Ухов скрипнул зубами.

Кошка, закончив свою процедуру, поднялась, потянулась с видимым наслаждением и скрылась в темноте лестничной клетки, но для Ухова это ничего не меняло. Он не решался первым войти в подъезд. Даже угроза несдержания кишечника не могла его двинуть в том направлении. Он мучился, изнемогал, но стоял и с тоской озирался по сторонам.

Ситуацию разрядил их сосед, жилец с первого этажа, которого Уховы не уважали, считали легкомысленным и пьянчужкой. Он и сейчас был заметно навеселе, а в его замызганной сумке позвякивали бутылки, однако при виде соседа в душе Ухова шевельнулось к нему теплое чувство. «Только бы не заговорил, только бы шел себе мимо» – молил Владимир Степанович провидение. Чтобы предотвратить нежелательный разговор, он наклонился к ботинку и стал перевязывать шнурки. В этой позе живот его забурлил с новой силой.

Сосед прошел мимо, пробормотав что-то вроде приветствия.

– Поднимайся! – крикнул Ухов жене и рванулся в подъезд.

Он птицей взлетел к себе на четвертый этаж и заперся в туалете.

– Живот неожиданно прихватило, – ответил он оттуда на вопрос удивленной супруги, а потом беззвучно добавил, – проклятая кошка!

1990 г.

На кухне

Лапша из пресловутых реформ давно уж прокисла и обрела отвратительный запах, но ее продолжают навешивать на уши вконец замордованных россиян. Столичные прохиндеи, оседлавшие средства массовой информации, с утра и до ночи неугомонно горланят на разные голоса: реформы, реформы, необходимы реформы!.. Судебная и военная, пенсионная и коммунальная, учебная и земельная!.. Повсюду реформы! Даже русский язык перестал почему-то устраивать реформистов – намерились подреформировать и его... С газетных страниц, по радио, с телевизионных экранов – везде достает очумевшего обывателя непонятное слово – реформы!..

Чем они вызваны? Какова их конечная цель? Какие будут издержки при их проведении? Ответы на эти вопросы должны быть известны в первую очередь, и не просто известны, но одобрены, приняты обществом! Однако ответов нет и сейчас, после многолетних скитаний по зловещему реформистскому бездорожью. Охмурители – реформисты уходят от вразумительных объяснений, скрывают свои коварные замыслы, и упрямо ведут страну в неизвестность, обирая попутно до нитки ее безропотных и доверчивых граждан. Впереди непролазные дебри, по сторонам – трясины и топи, провизия, что имелась с собой, уже на исходе, подножный корм пожирает ведущая шатя, уставших, ослабевших людей терзают обнаглевшие паразиты. Люди – в отчаянии, смотрят тоскливо назад – там, как теперь оказалось, было гораздо терпимей. Но назад уже тоже не выбраться...

Такую вот удручающую картину наваял на меня один разговор с пожилым и вполне здравомыслящим человеком. Случилось это в минувшую пятницу, почти неделю назад, мы тогда условились с Константином, моим давнишним приятелем, встретиться по нашим общим делам у него на квартире. Я пришел туда точно ко времени, но приятеля дома не оказалось. Дверь мне открыл его тесть, Яков Захарович, невысокий крепкий старик с чисто выбритым круглым лицом и седыми короткими волосами, окаймлявшими его полусевшую голову. Он был в голубом спортивном костюме, и походил на штангиста или борца средней весовой категории, вернее, на их постаревшего тренера.

Я уже бывал в этом доме, старик меня видел, но все равно уточнил:

– Вы – Алексей, и вы – к Константину?..

Я подтвердил.

– Пожалуйста, проходите... Костя недавно звонил, – продолжил в прихожей Яков Захарович, – говорит, что застрял где-то в пробке на улице, говорит, что старается вырваться... Велел не давать вам соскучиться... Пожалуйста, раздевайтесь... Я приглашаю вас к чаю, я уже все приготовил... Я, знаете ли, один. Женщины ушли в магазины, Костя, вот, задержался...

Под это стариковское воркование я снял с себя и повесил на вешалку куртку, переобулся в домашние тапочки и зашел в ванную комнату, чтобы сполоснуть руки.

Чаепитие было задумано в кухне. На столе, покрытом розовой скатертью, стояли две голубеньких чашки, в вазочках лежали конфеты, печенье, под большим колпаком с петушиной головкой настаивался, как я догадался, заварной чайник.

Громко работало радио. Шла передача о борьбе с коррупцией в высших кругах государственной власти – тема для нашей страны исключительно актуальная, и я прислушался. Какой-то оратор хорошо отработанным голосом нравоучительно говорил, что избавиться от этой широко распространенной болезни можно только одним радикальным лекарством: надо резко повысить оклады чиновникам. Повысить до такого размера, чтобы чиновникам стало совестно брать взятки и подношения. Он указал даже сумму, которая, по его убеждению, способна остановить коррупционную эпидемию, и эта сумма в сотню раз превышала зарплату учителя средней школы.

Мысль о повышении окладов чиновникам высшего ранга не была чем-то новым, ее еще раньше стали обкатывать в средствах массовой информации, очевидно, готовят налогоплательщиков к такому повороту событий.

Как вам понравилась такая идея? – вкрадчиво спросил Яков Захарович.

Мы уже сидели на стульях, и он приготовился разливать чай, но задержался, ожидая ответа.

– Да как-то не очень, – честно признался я. – Ни учителям, ни врачам, ни мелким служащим ничего здесь не светит, а, по-моему, работа врача и учителя намного ценней и ответственней, чем работа любого чиновника.

Старику ответ мой понравился.

– И я такого же мнения, – сказал он серьезно, опустил на стол заварной чайник и выключил радио. – Это уже будет похоже на откровенное свинство! Откровенная наглость, я вас уверяю!.. Чтобы чиновник когда-то насытился?!.. Да он способен жрать в оба горла!..

И Яков Захарович пылко обрушился на чиновничью касту, прямо как на своих личных врагов. По его словам, выходило, что все беды в стране, ее разорение, нищета, безработица происходят из-за непомерной алчности московских чиновников, что грабительские реформы задуманы ими, и что теперь они пошли на открытый шантаж – или платите нам больше, или все окончательно разворуем... Он был убежден, что радиопередача, которую он только что выключил, была заказана ими.

Лысина старика покрылась испариной, в карих глазах светились азартные блески, его эмоции лились через край. Но для таких обвинений нужны не только эмоции, и я осторожно заметил:

– А вы не завышаете роли чиновников?.. Чиновник, он кто? Он – простой исполнитель, он только кладет на бумагу то, что велят ему первые лица.

– В этом вы ошибаетесь, молодой человек! – немедленно возразил Яков Захарович. – Первые лица решают проблему лишь в общих чертах, так сказать, укрупнено. В детали они особенно не вникают, а деталь – вещь не пустячная! Малюсенькие детали: двусмысленность, недосказанность или, наоборот, лишнее слово способны исказить смысл даже мудрого указания. Это, например, как на кухне при крупной столовой. Шеф-повар там как будто бы всем управляет: он составляет меню, раздает директивы и ходит в накрахмаленном колпаке. Но главное – закладку продуктов делают повара помельче. Где-то они не доложат, где-то добавят воды, где-то чего-то подменят... И сколько им не плати – все равно украдут!

– Шеф-повар обязан за этим следить...

– Конечно, обязан! А если он рохля? Пьянчуга? Или заодно с ними?.. Тогда едокам в столовой и вовсе беда: в супах будут только кожа да кости, а в котлетах – рога и копыта!

Такое мне было тоже известно: не раз приходилось в столовых потреблять суррогатную пищу и видеть, как жирнющие тетki уносят тяжелые сумки продуктов, украденных из наших тарелок. И вряд ли воруют они без участия главного повара...

– Шайке этой нельзя потакать! – развивал свою мысль Яков Захарович. – Держать их надо на поводке, а не оклады им повышать!.. Я бы поступил по-другому: привязал бы оклады чиновников к какому-нибудь важному ориентиру, например, к минимальной зарплате в стране. Привязал бы надежно, наглухо, насмерть!!! И – никаких побочных доходов!.. Повышается минимальная зарплата – пусть автоматически повышается и у них... Вот тогда их мозги и закрутятся в нужную сторону, тогда они поневоле впрягутся в общественный воз... А пока страна для них только кормушка, где надо урвать себе куш, пока не урвали другие. Вот они стараются рвать: пустеет все, как при нашествии саранчи!

Старик чуть-чуть помолчал, испытующе посмотрел на меня и продолжил:

– Вы посмотрите на Волгу!.. Что там было до нашествия реформаторов: тесной казалась от обилия транспорта! Пассажирские пароходы всевозможных размеров, буксиры с огром-

ными баржами! Фрукты, помидоры, арбузы! Щебень возили, песок – водный транспорт считался самым дешевым... А катеров сколько было, а лодок! В выходные дни полгорода выезжало на Волгу, кто на рыбалку, кто просто на отдых, а что на Волге сейчас?.. Пустынная речка!.. Смели с нее все одним махом – взяли и увеличили стоимость топлива, и сразу самый дешевый транспорт превратился в самый невыгодный!... Этим же подлым приемом положили в нокаут и все остальное: промышленность, сельское производство... Может, вы помните, как чиновники тогда носились с идеей – свернуть в России все производства? Кричали: технологии наши затратны, не эффективны, наши товары неконкурентноспособны, их не берут за границей – там они дешевле и лучше. Зачем же, внушали народу, тратить силы и средства на выпуск никому не нужной продукции, будем торговать нефтью и газом, они там дороже, они покроют все наши потребности. В пример приводили, мне помниться, Кувейт, Арабские эмираты, дескать, мы разве их глупее?.. И как теперь обернулась такая политика?! Свои производства угробили, а дешевых заграничных товаров что-то не видно: и дороги, и паршивы!.. И главный вопрос: куда деваются деньги за реки нефти и газа, что текут за границу?.. В казне их не видно, страна вдруг погрязла в огромных долгах! Откуда долги, если все казалось таким привлекательным?!.. Я так рассуждаю: к власти пролезли мошенники, деньги текут в их карманы, а государству достаются лишь жалкие крохи...

Яков Захарович перевел дух, вытер салфеткой потевшую лысину и опять принялся за чиновников:

– Аппетиты у этих мошенников повышаются, поголовье их возрастает, и наживы от нефти и газа им уже кажется мало, потащили из страны все подчистую, вывозят даже металлический лом!.. Безработное, полунищее население толкнули на вандализм, вынуждают грабить свои жилища, грабить дачи, кладбища, ломать готовые вещи, чтобы сдать в металлический лом, потому что такой способ добычи цветного металла для мошенников выгоден!.. Мой знакомый недавно ездил в село и привез оттуда дикую новость: украли там километр воздушной проводки, что подводила к селу электрический ток! И все село вернули в девятнадцатый век – в ходу опять стали свечи, керосинки и примусы! Провода пошли в металлический лом, он – за границу, а деньги – в кошельки чиновников – реформаторов!

Пример оголтелого вандализма имелся и у меня: в ночь на 8-ое марта у нас на крыше пятиэтажного дома сломали все телеантенны, подарок сделали женщинам к их празднику! Вандализм привлекли трубки из алюминия – небольшие детальки этих антенн. С тех пор на экранах сплошные уродцы – дом из железобетона, арматура искажает сигналы, и комнатные антенны почти бесполезны. Когда выступает какой-нибудь важный чиновник, люди хохочут: лицо его превращается в гнусную рожу. И слова похожи на бред ненормального.

– Под предлогом реформ, – распался Яков Захарович, – идет разграбление народа, разгоняется армия, сокращаются социальные выплаты, попраны права на бесплатную медицинскую помощь, на бесплатное образование. Народ стремительно опускается в нищету. Иностранцы смотрят на нас уже не со страхом, а с состраданием, посылают нам свои старые вещи. Это ли не позор?! Принимать подаяния великой когда-то державе?!.. А чиновники и на этом старье греют руки: нам старые вещи отгружают бесплатно, а у нас их продают!

Гнев старика набрал полные обороты, свою речь он подкреплял жестами, иногда ударял ладонью о стол, отчего чашки и блюдца испуганно звякали. Реформы старик драконил и оптом и в розницу.

– Обман! – восклицал он по поводу пенсионной реформы. – Что значит – накопительный фонд в руках у нашего государства?! Государство уже обмануло народ на сберегательных вкладах, до сих пор не возвратило долги! Такое будет и здесь! Это фикция, а не реформа! Старика при ней будут обречены!

Коммунальную реформу он назвал еще более жестко – прямым грабежом населения. Мой аргумент, услышанный как-то по радио, что коммунальное хозяйство в упадке, что его надо ремонтировать, восстанавливать, что жители должны участвовать в этих процессах, Яков Захарович парировал следующим образом:

– Во сколько раз за последнее время подняли коммунальные платежи?.. В десятки! Поднимают почти каждый квартал, и тоже под предлогом ремонта. А что на эти деньги отремонтировали? У вас, например?..

– Ничего, – согласился я. – Водопроводные трубы меняли за отдельную плату... Антенну, вот... Говорят, чтобы мы сами нанимали ремонтников...

– Так будет и дальше, – заверил старик. – Им бы только плату повысить! Все им кажется, что мало с нас шкуру дерут!

Яков Захарович был убежден, что две эти реформы – пенсионная и коммунальная – совсем обнажили звериную суть реформистской политики: власти, как жомом, давят народ, выжимают из людей последние соки, и хотят бросить их один на один против старости и болезней – барахтайся сам, как сумеешь!

Он или выполнял добросовестно обещание, данное зятю – не позволять мне соскучиться в ожидании, или обнаружил во мне удобного слушателя. Скорее, второе: чай мне он больше не предлагал – чай располагает к спокойной беседе, а он был переполнен страстями, и они просились наружу.

– А что творят с молодежью! – восклицал с возмущением Яков Захарович, – Молодежь – это будущее страны, а ее сознательно стараются оболванить! Дурят головы соблазнами легкой наживы: телевизор ломится от азартных программ вперемежку с рекламами заграничных товаров!.. Вы замечаете, Алексей, что человека труда сейчас совсем не показывают?.. На экране только певуны и певуны... Школы – почти без внимания, педагоги в них бедствуют. Писали, что у одной учительницы голодный обморок прямо на уроке случился! Зарплаты ее хватало только для оплаты за угол и кое-какое питание. На работу ходила пешком – не хватало денег на транспорт!.. Какая отдача от голодных учителей?!.. За учебу в техникуме и институте надо платить, специалист, получивший диплом, не может устроиться на работу...

Эти слова относились и прямо ко мне: два года назад я закончил пединститут, получил, как и другие, свободный диплом – определяйся сам куда хочешь. Куда? На зарплату учителя?!.. Вот мы с Константином и занялись спекуляцией, называемой теперь бизнесом или частным предпринимательством. Противно заниматься делами, которые только вчера назывались преступными, но ничего не поделаешь, другой перспективы не видно.

– Отношение к новому поколению – важный показатель сущности власти, – подчеркивал Яков Захарович. – Здесь очень выгодно смотрится советский свергнутый строй. Всякое тогда было, но молодым была открыта любая дорога: учеба была бесплатной на всех ее уровнях, работа по специальности гарантировалась, о беспризорных детях не могло быть и речи!.. А этой власти, можно прямо сказать, толковый народ не нужен. Ей народ, похоже, и вовсе не нужен! Чем меньше его, тем ей лучше – меньше хлопот! Она ведет страну к полному краху!.. Окончательно все разворуют и разбегутся!..

– И что же, выхода нет? – спросил я, смущенный этим выводом старика.

– Выход есть, молодой человек, – уверенно сказал Яков Захарович. – Его вижу и я, обитатель этой маленькой кухни, обыватель-пенсиянер.

Старик немного кокетничал. Пенсионером он был не всегда. От Константина я слышал, что его тесть занимал в свое время крупные должности: был заместителем начальника главка, председателем сельского райисполкома. Да и кухня эта была приличных размеров.

– Давно пора нам всем вспомнить о сущности демократии, – раскрывал свое видение Яков Захарович. – Вспомнить, что демократия – это полноценная власть народа в стране, но не власть чиновников над народом! С этих позиций и надо рассматривать ситуацию! Народ

обязан сказать свое слово: нужна ли ему такая печаль? Нужны ли ему такие реформы?! Ответ, я думаю, всем уже ясен. Реформы ведут к нищете и бесправию. А раз это так – спросить с их зачинщиков, призвать их к ответу! Спросить жестко, пристрастно! Спросить так, чтобы впредь никому неповадно было манипулировать властью, чтобы как каленым железом было выжжено в памяти каждого, что он лишь слуга у народа! Слуга и – ничего большего! Только слуга!.. А сейчас – прямое кощунство над демократией: затуманят мозги избирателям, заполучат от них заветный мандат и – давай вытворять с ним такое, что и в кошмарном сне не приснится!.. Тот же неуважаемый Ельцин! Выбирали его как товарища, а выбрали – превратил себя в господина! И другим – мародерам, мошенникам, проходимцам тоже дозволил господствовать, да так, что они и его самого переплюнули!.. Что обещал он народу на выборах, и что после выборов натворил?!.. Несравнимые категории!.. Он сам однажды признался, что главной его целью было – расправиться с коммунистами, и он поступил как последний кретин, который, чтобы вывести тараканов, поджигает всю избу! Вот он – главный виновник! С него и надо начинать было спрос по полной программе, а его награждают орденом за заслуги! За какие заслуги?! Перед кем?! Если перед отечеством, то только не нашим!

Здесь я заметил, что старик, как говорили у нас в институте, соскользнул с исходного тезиса: вначале он обвинял во всех бедах чиновников, а сейчас – Президента, главного повара, если вернуться к его кухонной аналогии. Но теперь, как мне показалось, стало правильней – Президент сам набирает себе окружение, он за него и в ответе.

– Вы знаете, Алексей, – заговорил вдруг доверительным тоном Яков Захарович, – меня часто донимает вопрос: вдруг все то, что творится в стране – это акция иностранных спецслужб?! Продвинули к власти своих резидентов – завербовали, купили их или еще как, и теперь диктуют через них нам свою иноземную волю?!.. Как вам это предположение?.. А ведь им объясняется многое: и глумление над армией, и издевательство над народом, и превращение страны в свой придаток сырья, в место свалки радиоактивных отходов, в место сбыта низкосортных товаров!.. Без открытой войны, без потерь со своей стороны они повергли в прах мощнейшее государство! Как это, а?..

В эту тему нам углубиться не дали: вернулась женская половина обитателей этой квартиры, и нас вежливо попросили перейти в зал, а вскоре я попрощался – больше ждать мне время не позволяло.

Константин, как я позже узнал, вернулся лишь через час. На «Москвиче», перешедшем к нему от тестя, он застрял в многолюдной толпе: горожане вышли на улицы, протестуя против нищенской жизни. По словам Константина, митинг был впечатляюще бурным, и я пожалел, что не был в числе митингующих – у меня тоже есть свой счет к этой власти!

1994 г.

Кассета

Последние годы двадцатого века не без оснований называют бандитскими. Коррупция, заказные убийства, рэкет – эти тяжкие уголовные проявления были каждодневными. Кажется, все общество размежевалось на мародеров, разбойников и их жертв. Но даже в этом кошмаре появление рэкетира в больнице было событием невероятным: чем вымогатель может здесь поживиться?! Наложить дань на зарплату? Так у медиков она давно стала синонимом нищенских подаяний. В помещениях тоже нет ничего привлекательного в отношении наживы. Ничего ценного, хоть шаром покати. «Что больной нам приносит, то и вкальваем, – шутят медицинские остроловы. – Своего ничего не имеем». И хотя пациенты восполняют потребности: несут с собой и шприцы, и лекарства, а кроме того, и еду и одежду, и постельные принадлежности, еще не было случая, чтобы в больницу заглядывал даже самый паршивенький рэкетир.

Когда Мария Сергеевна Козина, заведующая отделением, осознала, что перед ней находится вымогатель, и что он требует деньги, она с возмущением воскликнула:

– Или шутить вы изволите, молодой человек, или у вас не все в порядке с мозгами! Для шуток здесь место совершенно не подходящее! И здесь не психушка, а терапевтическое отделение, люди здесь находятся с другими заболеваниями!

Чувство негодования было сильным и искренним, и Мария Сергеевна с пренебрежением, без малейшего страха смотрела на странного посетителя. Впрочем, он не был похож на бандита, во всяком случае, на те персонажи, которые примелькались по телевизору. Перед Козиной сидел невысокий худой паренек, напоминавший больше вчерашнего школьника. На вид ему было около двадцати лет, у него были большие глаза небесного цвета, вздернутый нос и толстые красные губы. Парень видимо знал о несоответствии внешности выбранному роду занятий и старался своим поведением компенсировать этот существенный недостаток. Войдя в кабинет вслед за Козиной, вернувшейся с утреннего обхода, он по-хозяйски уселся на стул, развернув его спинкой к груди, и молча в упор рассматривал Марию Сергеевну, сощуриив до щелочек веки с белесыми густыми ресницами.левой рукой он ухватился за спинку, а в правой держал серый пакет из полиэтиленовой пленки.

– Слушаю вас, – поторопила его Козина, тяжело опустившись в скрипевшее кресло. – Вы пришли с направлением?..

– Я из движения «За справедливость», – начал цедить слова парень. – Вы о таком уже слышали?..

– Господи, конечно же, нет, – со вздохом сказала Мария Сергеевна. – Сколько сейчас развелось различных движений и партий, и все за народ, за благополучие, за справедливость, а толку?!.. Одна говорильня!.. И что же вас сюда привело?..

– Это самое. Нам очень не нравятся те, кто паразитирует на теле простого народа и колотит на этом себе капитал. Мы караем таких паразитов, а они расплодились и в этой больнице. Короче, с вас причитается пять тысяч баксов. Срок уплаты – в течение месяца!

Мария Сергеевна в изумлении прослушала эту несуразную речь и, не колеблясь, озвучила вполне логичную мысль о психдиспансере. За всю свою многолетнюю жизнь она впервые увидела человека, который усмотрел в больнице доходное место.

– Это же надо такое придумать! – Козина чувствует, как закипает в ней злость. – Вымогать деньги у медиков! У полунущих! Вы что, совсем оторвались от мира сего там, в своем непонятном движении?! Не знаете положение дел в медицине?! Тем паче – в больницах?!..

Парень угрюмо молчал, и она продолжала:

– Люди здесь сидят на мизерных ставках, да и те они получают с задержкой! Больницы почти что не финансируются! Денег нет даже на закупку самых дешевых лекарств!.. Голова кругом идет от вопросов: чем лечить, чем кормить, как удержать специалистов?!.. Палаты не ремонтируются! Ни постельного белья, ни нормальных кроватей!

Козина возбудилась и выливалась совершенно постороннему человеку все наболевшее, все трудности, в которых оказалась сейчас самая древняя, самая гуманная и самая нужная населению служба.

– И у вас еще хватает нахальства явиться сюда с вымогательством?! – гневно заключила она.

– Кончила? – спросил парень ехидно. – Положение у медиков дел всем отлично известно. Известно также и то, что под прикрытием трудностей вы мародерствуете. Обдираете несчастных больных. Так что не надо мне лапшу навешивать на уши! Условия я сказал: пять штук зеленых и – в течение месяца!

– Я сейчас вызываю охрану и сдаю вас в милицию!..

– Не гони пургу, тетка! – жестко произнес молодой человек. – Не надо! Сама же потом пожалеешь!.. Сделаем так: я оставляю тебе вот эту кассету, вы ее смотрите, хоть всем базаром, хоть в одиночку, а через недельку я сюда заскочу, тогда и поговорим про милицию... Кстати, перед законом я чист, я действую в рамках рыночной экономики: я предлагаю товар – предлагаю выкупить эту кассету. Не купите, и не надо, на нее покупатели будут.

Нетипичный вымогатель достал из пакета коробку с кассетой, покачал ее на ладони, будто бы взвешивая, и аккуратно положил коробку на стол перед Козиной. Затем он неторопливо поднялся, развернул стул в нормальное положение, кивнул головой и не спеша удалился.

Ни в больнице, ни дома у Козиной не было техники, нужной для просмотра кассеты, и она невесело усмехнулась: тоже мне, нашел с кого вымогать!.. Мария Сергеевна не чувствовала за собой ничего криминального и постыдного, и она опять усмехнулась, подумав: чего может возникнуть предосудительного в семье, существующей только на государственную зарплату? Разве лишь то, что они с мужем смирились с таким жалким существованием? И все же, до конца рабочего дня ее мучило непонятное беспокойство: чем-то ведь угрожал этот тип!..

Пришлось обратиться к соседке, у которой Козина как-то уже одалживала видеомagni-тофон.

– Возьми, возьми, – охотно откликнулась та. – Нам он все равно сегодня не нужен – собираемся в гости. Может, и кассеты какие возьмешь? Есть очень интересные записи...

– Нет, спасибо, кассет мне не надо. Мне он нужен, чтобы посмотреть материал по работе.

Вечером, спровадив мужа и дочь на прогулку, она прильнула к экрану. Поплыли четкие цветные картины. Улица с трамвайными рельсами, унылые фигуры плетущихся горожан, серые здания с осыпавшейся штукатуркой. Среди них, еще непригляднее, здание их больницы. Больничная вывеска крупным планом. Еще одна вывеска – «Приемное отделение». Уличные картины на этом заканчиваются, и Козина видит большой плохо освещенный коридор приемного отделения, в нем народ, человек двадцать. Она понимает, что это больные, направленные в стационар, и сопровождающие их родственники. Почти у каждого возле ног на полу – объемные сумки.

Вид неуютного коридора сменяется видом комнаты, где ведется прием. Здесь три молоденьких женщины в белых халатах и сторбленный старичок. На первый взгляд, обычная процедура оформления поступающего. Одна женщина просматривает документы больного, вторая – заполняет какие-то бланки, похоже, что историю его болезни. Не занята только третья, светловолосая, с круглым скуластым лицом. Но вот находится дело и для нее: старичку предлагают измерить его рост и вес. Круглолицая помогает ему встать на весы, громко говорит результат и тащит старика за руку к измерительной стойке. «Новшество ввели в приемном покое, – отмечает про себя Мария Сергеевна, – раньше не измеряли и не взвешивали»...

Новшество было не бескорыстным. Старичку велят оплатить проделанные измерения. Сумма, как было видно, для него не пустячная: на экране крупным планом показано вспотевшее лицо старика.

– Да как это так? – бормочет растерянно он. – За что такие-то деньги?!..

– Столько положено, – сухо объясняют ему. – Теперь услуги все платные.

Старичок покорно лезет в карман. Камера успевает проследить путь его денег, хотя они моментально исчезают в выдвижном ящике стола. Квитанция об их приеме не оформляется. На этом этапе – полное отсутствие бюрократии.

Далее камера избирательно стала фиксировать только эту операцию оформления больных: весы, измерительная стойка, сброс денег в ящик стола. Один пациент, другой, третий... Показаны все, кто поступал на лечение. Деньги взяты с каждого, даже с того, кто знал вес свой и рост и предупредительно сказал об этом троице в белых халатах. «Поборы в этой больнице начинаются прямо с приемного отделения», – комментирует происходящее бархатный мужской голос.

Мария Сергеевна заинтересованно прикидывает в уме: сколько же денег ежедневно там оседает? А в месяц?.. Сумма получается впечатляющая. «Выходит, вымогатель в чем-то и прав... Да, но я здесь при чем? Почему он с этими кадрами заявился ко мне? Приемное отделение – это другая епархия».

Но тут камера фиксирует вывеску: «Терапевтическое отделение», и Козина внутренне напрягается. Она видит себя тоже принимающей посетителей и, в первую очередь, отмечает, что на экране она выглядит очень даже неплохо: стройная, немного кокетливая, с золотистыми локонами, со свежим, без морщинок, лицом. «Хороший, видимо, оператор, – с одобрением думает Мария Сергеевна. – Откуда же он это снимал?..» Однако полюбоваться своей внешностью подольше она не смогла. Какой-то мужчина, натянуто улыбаясь, протягивает Козиною направление в стационар и тут же кладет перед ней подарок – большую коробку шоколадных конфет. Мария Сергеевна, искоса взглянув на коробку, ставит свою визу на направлении и тоже улыбается, поощрительно. Не успевает посетитель добраться до двери, как коробка легким движением руки смахивается в разинутый ящик стола. Камера становится отвратительно кровавадной, и будто заиклилась на этом моменте: посетитель, коробка конфет, подпись, хищная пасть столового ящика, посетитель – коробка – подпись... Посетители разные, коробки – похожие одна на другую и – улыбки, улыбки, улыбки. Натянутые улыбки посетителей, и довольно поощрительные улыбки Марии Сергеевны.

Сейчас Мария Сергеевна не улыбалась. Впившись глазами в экран, она застыла, как извояние. Ее охватило гадливое чувство стыда, смешанное с протестом.

– Господи, да что же это такое?! – стонет она. – Почему он вывернул все наизнанку?! Все же происходит не так! Я никогда ничего ни у кого не просила, они же сами навязывают! Они считают, что без подношений их будут хуже лечить! Людей приучили к такому порядку, но разве это я приучила?!..

И как бы в ответ на этот вопрос, на экране появляется другая картина. Показывается, теперь со всеми деталями, как Мария Сергеевна отказывает в госпитализации убогой старушке, которую под руки вволокли в ее кабинет двое мужчин. «У этой несчастной не было средств на конфеты, – комментирует тот же бархатный голос, – и вот результат...» Козина холодно разъясняет вошедшим, что мест сейчас нет, что прежде чем привозить человека в больницу, нужно согласовать с ней, заведующей отделением, вопрос о возможности его госпитализации.

– В вашей поликлинике хорошо знают про этот порядок, и они были обязаны вам об этом сказать. Наверное, говорили?.. – с подозрительной улыбкой смотрит она на мужчин.

Старушечья голова бессильно свесилась на впалую грудь, видны набухшие вены на худой желтой шее, она не реагирует на разговор. Сопровождающие униженно уверяют, что не зна-

комы с порядком приема больных, просят сделать для них исключение, но Козина возможности для исключения не видит: не положу ведь я ее к себе в кабинет. Старушку выносят.

С минуту на экране доминирует недовольная физиономия Марии Сергеевны. Теперь у нее видны и морщины, и блеск седины в волосах, и вся она показана очень сердитой, совсем как медуза горгона.

Козина с ужасом смотрит на коварный экран – как он все извращает! Она вспомнила этот случай. Да, она тогда отказала в приеме, но вовсе не из-за каких-то дурацких презентов! Да будь там хоть десяток коробок с конфетами, она все равно бы не взяла к себе эту бабулю: во – первых, мест тогда действительно не было, а во-вторых, она не больная, она уже выжила весь свой ресурс, а такое в больницах не лечат!

На экране появляется новый сюжет. Комнатушка сестры-хозяйки. Тетя Тамара, одна из ветеранов больницы, разговаривает с больным, только что принятым на лечение. «Господи, здесь-то чего они откопали?» – думает Мария Сергеевна, еще не оправившись от потрясения.

Тетя Тамара показывает рукой на полки с желто-серым постельным бельем, брезгливо морщит и без того морщинистое лицо и спрашивает мужчину, стоявшего перед ней в синем спортивном костюме:

– Нашим бельем заправить вам койку, аль как?.. Все люди приносят обычно свои принадлежности, больничными брезгуют... У нас ведь они годами вращаются, и не отмываются уже, и порватые – дыра на дыре.

Тетя Тамара разворачивает простыню, на которой видны разводы не отстиранных пятен, и вопросительно смотрит на добротный спортивный костюм. Лицо его обладателя в крайнем недоумении. Сестра-хозяйка продолжает нагнетать страсти:

– За последние годы всего четыре матраса прислали и десять комплектов белья. А больные-то разные: у кого недержание, такому хоть по три раза на день меняй.

Мужчина в еще большем смятении:

– Тогда мне, выходит, опять домой надо ехать...

– Можно и не домой, – подсказывает выход тетя Тамара. – У нас за углом есть магазин с постельным бельем, там все обычно берут, кто нашим побрезгует.

Больной соглашается с предложенным вариантом, и страхолюдная простыня опять кладется на полку.

Камера опять, приемом выборочного показа, воспроизводит разговор сестры-хозяйки с другими пациентами терапевтического отделения. Все беседы состоят из типового набора слов с демонстрацией устрасяющих тряпок и заканчиваются согласием больного на доставку постельных принадлежностей или из дома, или из рекомендованного магазина. Ни одного факта согласия на пользование больничным бельем камера не показала. «Только гадость снимает, подлец! – отметила про себя Мария Сергеевна. – Лежит же и на нашем белье кое-кто».

А на экране появляются новые пары – теперь лечащие врачи и больные. Меняются лица врачей и больных, но суть их встреч постоянна: врач со скорбным лицом сообщает больному, что ему помогут такие-то вот лекарства, но в больнице их нет. Следует эффектное возмущение грабительской перестройкой, грабительскими реформами, коррумпированными властями и плохим обеспечением больниц. Обескураженному больному врач затем доверительно сообщает, что все эти лекарства можно приобрести в аптеке, которая расположена в соседнем, слева от больницы здании. «Мы можем, конечно, использовать то, что есть у нас, – следует лицемерный вздох, – но вы сами понимаете разницу между тем, что вам надо, и тем, что имеется». Больной говорит, что конечно он купит лекарства, которые его вылечат. И врач его тут же напутствует, что нужно купить и шприцы, и систему для капельницы. И вот больной уже ломится в двери аптеки.

Беседы врачей и больных, их результаты подаются также в отцеженном варианте: врач – больной – аптека, врач – больной – аптека...

Приторный голос за кадром обобщает показанное: «Итак, больному внушили, что в больнице нет ни лекарств, ни постельных, ни других принадлежностей. Что же все-таки есть? Давайте посмотрим!»

Следует обзорный показ больничных палат. Зрелище везде удручающее: обшарпанные стены, протертый линолеум, железные койки с пружинными сетками, прикроватные тумбочки с бутылочками, кульками, газетными свертками...

Столовая. Больные со своими кружками-ложками толпятся у раздаточной амбразуры. Тарелки – больничные. Их мало, они делают за обед по три-четыре оборота. Раздатчица, торопясь, моет их кое-как в металлической мойке. Иногда на краях у тарелки остаются пленки от пищи предыдущего едока. Один, получив такую тарелку, ворчит:

– Я где-то читал, что даже у самой чистоплотной хозяйки муж в год съедает до двух кило грязи, а здесь...

– Заткнись! – прерывают его. – И так эта жрачка в горло не лезет!..

Камера переместилась в подсобное помещение. Здесь – несколько ведер с несъеденной пищей.

Снова палаты. Больные, придя из столовой, поедают свои продукты.

Вечер. Больные в палатах, дежурный медперсонал собрался в столовой. Вплотную сдвинуты три стола, на них – колбасы, сыр, другая провизия и... графинчик со спиртом. Дверь заперта изнутри. Из палат слышатся стоны больных, их крики, зовущие врача, няню, сестру, из столовой – громкие веселые голоса, раскатистый смех.

Козина на эти кадры смотрит угрюмо. «Обнагтели девчата! Надо устроить им хорошую вздрючку!» Дальше ее настроение портится больше.

После застолья ночная смена растаскивает по разным местам скамейки – готовится к подступившему сну. И скоро в ответ на призывы больных слышится залиvistый храп медицинского персонала.

Мария Сергеевна расстроена, рассержена основательно и все же вины, за которую надо платить рэкетирам, она пока не находит. «Да, в больнице имеется много плохого. Им, подлецам, удалось подловить нас на некрасивых моментах, но почему они полагают, что им за это мы будем платить?.. Где сейчас нет недостатков?.. Будем бороться, искоренять недостатки, спасибо за помощь в их вскрытии, но деньги... Пусть они катятся с этой кассетой подальше...»

Козина думает о предстоящей встрече с молодым человеком и считает свою позицию твердой и правильной.

«А теперь, друзья, будьте внимательней!» – прерывает ее размышления бархатный голос, и Мария Сергеевна видит, как их тетя Тамара входит в магазин «Постельные принадлежности». Вот к ней с улыбкой спешит заведующая, вот женщины уединяются в дальнем уголке магазина, шепчутся, сверяют записи на листочках бумаги: одна принесла сестра-хозяйка больницы, другой был у заведующей магазином. Затем в руке у заведующей появляются деньги, и она вручает их тете Тамаре. Та с довольным видом уходит, а голос за кадром комментирует ситуацию: «Медицинский работник получил свою долю от продажи белья. Схема такого сотрудничества не сложна: больница вынуждает больных скупать постельные принадлежности, а магазин при этом не стесняется в ценах». Дальше голос подробно расписывает эту порочную связь и выгоду от нее. Насладившись деталями, проницательный комментатор продолжил: «Махинации с постельным бельем на этом не кончились. Далеко не каждый больной берет из больницы купленные им вещи: после пребывания белья на зловонных матрасах, его брезгают брать себе в дом, и оно становится ценной добычей небрезгливого больничного персонала. Белье, отстирав в прачечной за больничные деньги, медработники растаскивают по себе!» Следуют доказательства: тетя Тамара сортирует и раскладывает стопками выстиранное белье. С сумками выходят из ее комнатки женщины в белых халатах. «И довольствуются здесь не только бельем!» – не унимается опротивевший голос.

Аптека. Старшая медсестра отделения сверяет бумаги с заведующей аптекой и тут же получает какие-то деньги. Далее, уже в своей комнатке, она раскладывает деньги по кучкам, одну прячет в сумочку, другие раздает врачам, которые поочередно шныряют сюда. Во весь экран показываются лукавые физиономии выходящих из комнатки медицинской сестры, а голос за кадром сопровождает показ: «Врачи довольны долей, полученной от продажи по их наводкам лекарств».

– Боже, как это мерзко! – шепчет Мария Сергеевна, и уже с сомнением думает о своей позиции, выбранной для предстоящего разговора. «Надо показать эту запись сотрудникам, – возникает идея. – Пусть полюбуются! Будем вместе решать, как поступить от позора: сложиться и заплатить вымогателю или пусть он выносит всю эту грязь на общественность!»

Однако новая сцена заставляет Козину усомниться и в этом намерении. Она видит себя в магазине «Продукты». Вот она передает продавцу несколько коробок конфет, та их придирчиво рассматривает.

– Здесь только те, которые безупречны, – слышит Мария Сергеевна собственный голос и видит, как получает от продавца деньги.

Лицо ее запыхало жарким румянцем. «Господи, да всего-то один раз и было такое!» А голос за кадром торжественно провозглашает: «Медицинским работникам, конечно, трудно приходится в наше мудреное время, но только не всем. Кое-кто уже научился ловить себе рыбку в мутной воде. Пора их самих вывести на чистую воду!»

Закадровый комментатор говорит еще что-то назидательно-справедливое, но Мария Сергеевна уже ничего почти что не слышит: она в состоянии прострации. Кассета сделала свое черное дело, и будь у Козиной деньги, она выложила бы их рэкету немедленно и без всякого сожаления – лишь бы закрыть эту грязь!

Но денег не было, не было и возможности их где-то достать. Правда, не было рядом и рэкетира, он должен был появиться только через несколько дней.

Ничего не объясняя встревоженному ее видом супругу, Мария Сергеевна рано отправилась спать, приняв двойную дозу успокоительного.

Лекарство и время внесли свои коррективы в ее настроение и планы. На другой день она уже не так болезненно относилась к увиденному. «Наша ли в том вина, что приходится так унижаться и приспособливаться? – размышляла она, сидя одна в кабинете. – На зарплату не проживешь. Но и на эти паршивые подношения тоже палат каменных не построишь. Подумаешь, коробка конфет! Да пусть он подавится этой кассетой! Платить все равно нечем!»

Спустя еще день она совсем укрепилась в своей отбойной позиции, нашла еще аргументы в поддержку ее, и уже без особой тревоги ждала встречи с юным бандитом. Но его пока не было. Когда назначенная им неделя закончилась, а вымогатель не появился, Мария Сергеевна даже огорчилась немного, ей самой уже захотелось встретиться с ним, чтобы все расставить по полочкам. «Не ту они выбрали мишень для атаки! Не туда суются со своими пасквилями!» Она уже почти убедила себя, что стыдиться ей нечего. Пусть будет стыдно тому, кто устроил такую им жизнь, кто вынуждает их, медиков, ловчить и заниматься унижительными делишками. То, что они там засняли, это не от алчности, а от нищенской жизни, и это – громадная разница!

Козина уже провела с коллективом профилактическую беседу. Без указания на источник, она проявила глубокую осведомленность о проступках каждого из сотрудников и выразила им свое недовольство. Врачи и медсестры разошлись озадаченными, подозревая друг друга в наущничестве. Но в целом, обстановка стала благопристойнее. Даже в подсобном помещении количество несъеденной пищи значительно поубавилось – она становилась вкуснее, и ее стали съедать, а не оставлять, как было раньше, в тарелках.

К встрече с бандитом Мария Сергеевна уже подготовила целую речь в оправдание таких, как она горемык, в защиту людей, раздавленных костоломной властью. Она и раньше задумы-

валась над жестокостью наступивших времен, но это были отдельные мысли. Посещение рэкетира, его нахальное поведение заставили ее в них разобраться, привести их в порядок, и ей уже не терпелось высказать их. Но собеседник не приходил.

Еще неделю спустя по телевизору в обзоре криминальных новостей Козина услышала сообщение, что в городе арестована группа опасных преступников. Они занимались сбором сведений, порочащих высокопоставленных лиц. Была изъята уникальная аппаратура, что свидетельствует о коварных замыслах этой группы и о возможной связи ее с центрами международного терроризма. Гражданам, пострадавшим от преступной деятельности этих лиц, предлагалось обратиться в милицию. Давались телефоны милиции. Дважды были показаны фотографии арестованных, в одной из которых Мария Сергеевна узнала своего толстогубого посетителя. «Не на медиков замахнулись! – мелькнула злорадная мысль. – Там вам не тут!»

Висящая над ней угроза, понятно, отпала, но Козина особого облегчения почему-то не чувствовала. Наверное, потому, что главное не отпало – не исчезли причины, обрекающие мараť свою репутацию даже медицинских работников – людей самой чистой и светлой профессии.

Как распорядиться злополучной кассетой, она еще не решила, но ей было ясно одно: фигурировать в изобличении преступников эта кассета не будет.

1998 г.

Упускаемый шанс

Осень в этом году как будто забастовала – уже к финишу мчится октябрь, а на дворе настоящее лето. В такое время хорошо быть где-то за городом, бродить с кузовком по грибному золоченному лесу или сидеть с удочкой на берегу полусонной речушки.

У Сергея Гречухина таких возможностей нет, их с потрохами съедает работа, работа по черному найму на частника при центральном городском рынке. Здесь все замешено на деньгах – и время, и отношения, и помыслы, и поступки. Все спрессовалось в липкий осклизлый клубок, в сердцевине которого деньги.

Но деньги зачастую только маячили призрачно, как миражи, не воплощаясь в реальность. Подобно прыщам возникали какие-то новые обстоятельства, что-то вдруг оказывалось не просчитанным, недосказанным, недопонятым. Приходилось что-то доделывать, отстаивать, исправлять, и все второпях, все на нервах, какой уж тут отдых!..

А на днях на Сергея свалилась совсем уж нелепая неприятность, дурацкая, по его оценке, болезнь: у него воспалился коленный сустав. Казалось бы – чепуха, а нога отказала, без болей невозможно было ею даже пошевелить, не то чтобы выйти из дома. И теперь прелести загулявшего бабьего лета он созерцать может только с балкона, со второго этажа многоквартирного дома, стоящего в шеренге таких же стандартных одноликих домов на городской окраинной улице.

Оставаясь в квартире один, – сын уходил утром в школу, а жена на работу, – Сергей ковылял на балкон, опускался в плетеное кресло и, чтобы не поддаваться влиянию скорбных эмоций, усилием воли заставлял себя наблюдать за происходящим на улице. С балкона он хорошо видел лица прохожих, слышал, что они говорили, сам же для них оставался невидимым. Это занятие отвлекало его и от назойливой боли, и от подсчета потерь, привнесенных неожиданной болезнью.

Внизу, почти под самым балконом, у входа в продовольственный магазин было всегда оживленно. Там располагалась с нехитрым товаром – калеными семечками бойкая, не совсем старая женщина. Она жила в этом же доме, но Сергей о ней знал пока очень немного, только, практически, то, что зовут ее тетя Марина. С тазиком, наполненным серо-черными семенами, стаканом и низкой скамейкой она приходила сюда ежедневно. Ее товар имел спрос, возле нее то и дело вставали прохожие. Знакомые делились с ней новостями, и Сергей, бесшумно сидевший над их головами, становился молчаливым участником этих бесед. Так было позавчера и вчера, так, похоже, будет сегодня.

Утром к тете Марине подошла невысокая полная женщина с гладкой прической. Тетя Марина приветливо поднялась ей навстречу, и женщины потерлись щеками, имитируя поцелуи. Потом они сразу затараторили, перебивая друг друга восклицаниями и вопросами. Говорили о многом, иногда по-разному относясь к предмету внимания, но в отношении собственного здоровья и розничных цен мнения их совпадали до идентичности – положение дел ухудшалось, и они принялись обвинять в этом власти.

Это показалось Сергею логичным: и в безудержном росте цен на товары, и в ухудшении здоровья людей власти были повинны безоговорочно. Впрочем, была и другая причина заговорить о властях: начиналась кампания выборов в Думу, законодательный орган, выдумывающий такие законы, от которых корчится в муках большая часть населения страны.

– Вот на выборах люди им и покажут! – с явной надеждой на лучшее говорит тетя Марина. – Надо же, до чего народ довели! В войну и то таких лишений не знали! Тогда понимали, почему трудно, всем тогда было трудно, не только простому народу! А сейчас не война! Почему же такое творится?! Одни, как свиньи в грязь, закопались в богатство, а народу не на что даже хлеба купить!

Из слов возбудившейся женщины Сергею становилось понятно, что живет она тяжело, что своим семечным бизнесом она занялась не от скуки и не от страсти к торговому делу. Она помогала выживать своим близким, и то обстоятельство, что приходилось им выживать, но не жить по нормальному, ее возмущало до крайности. Она с глубокой обидой говорила про то, как всю свою жизнь она честно работала на государство, а это самое государство ее, постаревшую женщину, теперь так облапошило, что признаваться в этом ей стыдно.

– Живем в нищете! – восклицала она. – Стыдно, когда гости приходят – попотчевать нечем! А те, кто у власти, все никак не насытятся! Все гребут и гребут под себя!.. Или чувствуют, что их выгонят скоро?.. И надо их гнать! Выбирать надо тех, кто заботится о народе!

Реакция собеседницы на эту гневную речь была неожиданной:

– А я на выборы не хожу, – скромно заявила она. – Ну их к шутам: выбирай, не выбирай, а все равно по-нашему не выходит...

Заметив изумление подруги, она смутилась и стала как бы оправдываться:

– Все кандидаты ведут себя одинаково: до выборов горы обещают из золота, а как дорвутся до власти – про обещания сразу забыли! Ни к кому не достучишься со своими болячками... Уже никому я не верю, все они, на проверку получается, – болтуны! Нечего их выбирать! Только время тратить впустую!..

Сергей к выборам относился индифферентно: ходил иногда, когда было хорошее настроение или компания, но чаще всего не ходил, и не видел в этом ничего нехорошего. Он был уверен, что выборы – это простая формальность, что где-то там, наверху, все уже давно порешали, что от его мнения абсолютно ничего не зависит и ничего не изменится. И все же он не мог не признать разумность реплики тети Марины:

– Чего же ты тогда возмущаешься?! – сердито спросила она. – Только что сама кляла эту власть за несносную жизнь, и тут же – на выборы не хожу!.. У тебя есть законное право самой решать, кого ставить у власти! Может, это – единственно ценное, что осталось у бедняков, единственное их достояние!.. Ты не ходишь, так ходят другие! Они-то и выбрали нам на горе таких! И в этот раз выберут!..

Тетя Марина была явно мудрее своей собеседницы, и Сергей невольно признал, что она мудрее и его самого.

– А я вот, хожу! – с вызовом сказала она. – Не участвовать в выборах сейчас может тот, у кого все устроено, кому и так хорошо!.. У тебя сейчас все хорошо?!..

– Какое! – смутилась подруга. – Живем на одну мою пенсию, а какая она – сама понимаешь: только на хлеб и на воду!.. Мясо и молоко видим только по праздникам... Но толку-то от того, проголосую я или нет, – женщина все же пыталась оправдать свою точку зрения. – Что решает мой один голос?.. Он, как песчинка на берегу...

– Это как же один?! – удивилась тетя Марина. – Как ты считаешь?!.. Пенсионеров в стране около сорока миллионов, почти половина всех избирателей! И все они такие же нищие, как и мы! Вот и прикинь: если все пенсионеры, только они одни, проголосуют за своего человека или за партию, то уже победа им обеспечена!.. А сейчас среди обиженных властями не только пенсионеры! А безработные?! Те, которых вынуждают кормиться позорными средствами: спекуляцией, воровством, проституцией! А молодежь, которой перекрывают дороги к учебе?!.. Молодежь уже начинает разглядывать, что из нее задумали сделать полуграмотных слуг! Прибавь их всех к сорока миллионам!.. Мы можем, и даже обязаны, поставить у власти тех, кому доверяем!.. А теперь посчитай по-другому – все стали думать так же, как ты: так мол и так, от меня ничего не зависит, и на выборы не пойдут. Какой тогда окажется результат? Будет то же, что и сейчас: в депутатах окажутся такие же, что и сейчас, а мы будем кусать себе локти!..

Тетя Марина села опять на скамейку, зачерпнула ладонью горсть семечек, снова ссыпала их в тазик и сказала, передернув плечами:

– А уж если тебе никто не по нраву, голосуй против всех! Тоже будет понятно... Но не ходить – просто грех!.. Я лично пойду обязательно!

– И правильно сделаете! – донесся до Сергея хрипловатый басок, и из зоны, не просматриваемой с балкона, к женщинам выдвинулся шупленький мужичок в соломенной шляпе. – Я невольно слушал ваш разговор, – поклонился он тете Марине, – и не могу не одобрить все ваши слова! Вы абсолютно правильно говорите: право на выборы – вот, что осталось у нас действительно ценное! И не каждый, к сожалению, это вот понимает!.. У меня тоже есть один из знакомых, вернее, – племян! Он тоже заладил: я, дескать, нашел свою нишу, мне хорошо, и мне наплевать, кто там будет у власти! Вот дурачок! А еще инженер! Человек с высшим образованием! Работал когда-то даже мастером в цехе!.. Он торгует привозным лесом – вот его ниша!.. Я ему говорю: ты – простой спекулянт, даже посредник при спекуляции! И твоя ниша – это дыра в трухлявом полене. На него любой может ногой наступить и разрушить!.. Куда тебе, не понимает!

Сергей из-за шляпы не мог видеть лица говорящего, не мог определить его возраст, но судя по словам, это был человек с немалым жизненным опытом, скорее всего, тоже пенсионер, потому что продолжил он свои рассуждения на примере пенсионной реформы:

– От тех, кого мы выберем в Думу, только и зависит наша судьба! Возьмите, пенсионный закон! Каким он был, когда большинство в Думе имела партия коммунистов?.. Не помните?.. А тогда было так: пенсию назначали по стажу работы, суммы твоего заработка и его отношения к средней зарплате в стране. По этим данным определяли коэффициент каждому пенсионеру для того, то есть, чтобы в дальнейшем, при росте заработной платы в стране, пенсионеров не обижали: коэффициент автоматически умножался на процент роста средней зарплаты. И так было по – справедливости: растет уровень жизни, люди получают большую зарплату – жизнь улучшается и у стариков. И всем хорошо... Коммунистов потеснили в Думе, из-за нас потеснили, из-за тех, кто не ходит на выборы, и новые думцы сразу подрубили пенсионеров под корень: тот закон заменили на новый! А что по нему?.. Пенсии заморозили. Вроде бы обязались их повышать, но принцип другой – компенсировать рост инфляции! Понимаете разницу?!.. По первому закону моя пенсия была бы под четыре тысячи в месяц, а по новому – полторы не дотягивает! Вот, как случается, если не ходишь на выборы или проголосуешь не за того!

Мужчина еще какое-то время излагал свою точку зрения на выборы, потом слегка наклонился к тете Марине:

– А вы, извиняюсь, за кого голосовать собираетесь?..

– Еще не решила, – уклонилась та от прямого ответа. – Еще надо подумать, послушать, кто и чего будет нам предлагать...

– За ЛДПР голосуй, мать! – раздался звонкий молодой голос, и у тазика с семечками появился парень спортивного вида с толстой короткой шеей и наголо остриженной головой. Он был полон энергии и дергался телом, как застоявшийся конь.

– А какой мне-то прок от этого будет? – осведомилась тетя Марина, опасливо взглянув на этого молодца.

– Самый значительный! – заверил молодой человек. – В этом можешь не сомневаться! Если мы придем к власти, ни ты, ни другой кто не будет сидеть на ветру и продавать стаканами эту продукцию!

Молодой человек брезгливо поморщился, но спохватился и начал с пафосом декларировать:

– Мы сделаем вам утепленную будку, проведем в нее свет, сделаем водопровод и канализацию! Вы сможете не выходить из нее круглыми сутками! Семечки вам будут подвозить сюда наша машина! Мы поставим здесь пост, чтобы вас охраняли, проведем сюда газ! Семечки будете жарить на месте!

Парень все сыпал и сыпал на голову обескураженной женщине различные фигли-мигли о прекрасной будущей жизни торговли калеными семечками, только бы голосовали за ЛДПР. Узнав, что у тети Марины имеются внуки, он совсем загорелся:

– Внуки ваши будут учиться в элитных школах! Все школы будут элитными! Мы в школах изменим весь учебный процесс! Сейчас в школах учеба – каторжный труд! Мы его упраздним! Дети будут учиться играючи! Урок будет не сорок пять минут, как сейчас, и пять минут перемена, все будет наоборот: пять минут детишки будут учиться, а сорок пять минут – отдыхать! Отдыхать будут все люди!

– А кто же будет работать? – не выдержал мужчина в соломенной шляпе.

У тастика с семечками появилось еще несколько человек, их привлек громкий голос оратора от либерально-демократической партии. Тот был рад такому вниманию, и на ехидный вопрос ответил горделиво-запальчиво, глядя поверх удивленных голов:

– Работать лошади будут!.. Лошади и машины! Машины – железные, пусть они и работают, а люди должны отдыхать! Хватит! Они уже наработались! Вы посмотрите на женщин: унылые изможденные лица! Какие из них женщины?!.. Женщины созданы для любви! Мы освобождаем от работы всех женщин! У всех будет все, кто чего пожелает! Как только нашу партию выберут в Думу, все в стране переменится!

– Но вы и так сколько лет уже в Думе, – заметил кто-то резонно.

– Хороший вопрос! – воскликнул радостно парень. – Да, мы уже в Думе, но нас очень мало! Нам мешают работать! Аграрии, коммунисты, яблочники! Кого туда только не насовали! А нас пока мало! Когда выберут только нас, все сразу изменится!

Молодой человек повел вокруг огненным взглядом и, пообещав прийти сюда еще раз, гордой поступью удалился.

Сергей, прослушав его трескучую речь, подумал: «Интересно, чего бы мне пообещал этот петух, узнай он о моих неприятностях? Сказал бы, наверно, что они, придя к власти, заставят хозяина кошечкой ластиться ко мне, а не клевать вороном ради собственной выгоды».

Проблемы в отношениях с хозяином у Сергея были всегда, но сейчас из-за этой обидной болезни они могли разрастись и дойти до разрыва всех отношений. Когда Сергей не смог подняться с постели и сообщил по телефону хозяину, что заболел, тот ответил сухо и коротко:

– Болей, чего здесь поделаешь? Я как-нибудь выкручусь...

Сергей ясно представлял себе дальнейшую ситуацию: на его место сразу поставят другого – сейчас безработных людей предостаточно, а вот как будет с ним? Юридически, он сам – безработный: никаких договоров с хозяином они не заключали, все на словах: приходи, работай, получай за день на руки. Ни приказа о зачислении, ни записи в трудовой книжке, а значит – ни больничных, ни стажа работы, ни отчислений на пенсию... До болезни эти вопросы Сергея как-то не очень тревожили: он еще молод, здоров – как-нибудь все образуется. Сейчас они поднялись перед ним во весь рост, и решения их пока он не видел.

Вывел его из удручающих размышлений шум, возникший на пяточке возле тети Марины. Там заскандалили двое мужчин, оба в приличной одежде, оба почтенного возраста, оба с лысиной на затылке. Только один был ростом пониже, потолще и с клюшкой, второй – значительно выше и тоньше. В руке у высокого была авоська с картошкой, немного – килограмма полтора-два, не больше. Толстый держал в руке сумку, из которой торчали наружу два хвоста колбасы. Он ворочал в стороны голову и защищал существующие порядки: все, дескать, сейчас хорошо, все идет так, как надо. В качестве аргументов он приводил положение, в каком страна оказалась при Ельцине и сравнивал с тем, что стало сейчас: все улучшается, все идет так, как и следует быть.

– Нашел, кого ставить в пример! – выкрикивал тощий. – Пьяницу, клятвопреступника, оборотня!

– Вот мужик разошелся! – усмехнулся Сергей. – По виду – мелкий чиновник, а выступает, как отважный герой: нате вам мое мнение! И говорит не о ком-нибудь из соседей, а о самом Президенте страны, неважно, что бывшем! Смелчак!.. А может быть это жизнь, наследство от Ельцина, заставляет его вопить благим матом?..

Толстый стоял на своем:

– Ельцина выбрал народ! Значит, он был нужен народу таким, каким был!

– Народ об-ма-нули! Неужели это не ясно?! – высокий был в полном отчаянии от упрямства своего оппонента. – Наболтали, наобещали, жизнью клялись, что хуже не будет ни одному человеку, а что оказалось?.. Он всю страну пустил под откос! Взорвал, как диверсанты железнодорожный состав!.. Я вот сейчас из аптеки иду, – сменил он неожиданно тему, – все там деньги оставил, а то, что купил – не уверен: поможет ли? Чуть ли не каждый день по телевизору предупреждают, что половина лекарств в наших аптеках – фальшивые! На всю страну говорят эту страшную вест! А власти чего?!.. Слушают и соглашаются! Потому что и сегодняшней власти совсем наплевать на народ! Мало, что народ голодает и вымирает, так теперь его стали травить!.. А как по-другому это можно понять, когда лекарства фальшивые?!.. И просят, чтобы их опять выбирали!.. Нет, на этих выборах больше нельзя ошибаться!..

– А как угадаешь, кто за народ, а кто – за себя? – спросил кто-то в толпе, разросшейся под балконом. – Все они говорят так красиво, что заслушаешься!

– Нет, судить о них уже можно, – не согласился с этим высокий. – Партии – те же. Вспомнить надо, что они говорили до выборов раньше, и что они сделали! Можно сравнить, оснований достаточно...

Пятачок под балконом был похож на агитплощадку, на которых раньше специально собирали народ для различных массовых мероприятий, здесь он собрался стихийно. К тазику с семечками протолкалась женщина с плоской фигурой и лицом монгольского типа. Она была вызывающе броско одета: очень короткое, цветастое платье, на оголенных плечах – два шнурка белесого цвета. Встав рядом с соломенной шляпой, она громко сказала:

– Вот здесь сейчас разглагольствовал некто из ЛДПР! Не надо им верить!

«Вот тебе на! – удивился Сергей. – А как же быть с пактом о взаимном ненападении?!»

Он хорошо помнил, что в самом начале предвыборной гонки по телевизору показали сбор лидеров всех объединений и партий, намеренных пробиваться в депутаты Государственной Думы. Там они дали слово, что в своей агитации не будут поливать грязью друг друга, как это было на прошлых выборах в этот заманчивый орган, а будут строить свои выступления только на добрых примерах. «Выходит, похерили эту договоренность?..»

– Из всех существующих партий только Союз правых сил имеет реалистическую программу вывода страны из глубокого кризиса! – заявила уверенно голоплечая женщина. – Наша партия – партия молодых, энергичных и богатых людей! Мы сумели обеспечить себя, своих близких, знаем, как надо избавляться от бедноты!

– Куда же вы бедноту подеваете? – выкрикнул кто-то. – Потравите? Дустом?

В толпе засмеялись, но это не смутило ораторшу. Не ответив, что будет с массой неимущих людей, она продолжала самозабвенно расхваливать состояние, когда человек стал богатым.

– А за чей счет?! – перекрыл ее воркотню мужской сильный голос, обладателя которого Сергей не видел: он находился под самым балконом.

– За чей счет вы живете и наживаетесь?! – продолжал спрашивать тот же голос. – Немцов – это кандидат вашей партии?..

– Да! – горделиво подтвердила ораторша. – Это наш лидер!

– Лидер! – передразнил ее обладатель сильного голоса. – Вот какой это лидер!.. Вот, что про него в газете написано: за прошлый год он заработал один миллион двести пять тысяч триста шестьдесят семь рублей! Вот она, эта газета!.. Каким трудом он заработал эти огромные

деньги?!.. Это же больше ста тысяч за месяц! В день он получает в два раза больше, чем средняя пенсия в месяц! Зачем ему столько?! У него что, два желудка?.. А главное – кто ему платит? За что?!.. Откуда берут эти деньги?..

Женщина смущенно молчала. Она, как видно, сама не знала про эти цифры, сама была огорошена ими.

Не видимый мужчина переключил внимание на себя, взоры собравшихся направились к нему, под балкон.

– Они себе в Думе оторвали такие зарплаты, какие работяге даже во сне не приснятся! Потому-то они и рвутся туда!.. Себе хапают по стольку, сколько хотят, а учителям и врачам дают из того, что осталось!

– А ты еще про Чубайса скажи! – подсказывают из толпы. – Он тоже из этой компании! Вместе с ними намылился в Думу! Там и про Чубайса написано: в месяц по два с половиной миллиона рублей огребают! Жуть!.. А ведь это наши кровные деньги: он их за электричество с нас всех дерет!

Толпа угрожающе загудела. Оголенная агитаторша за СПС змеей заскользила по тротуару, выбираясь из возбужденной толпы. Голова у Сергея заработала счетной машинкой, он перекручивал доходы Чубайса на покупку еды, товаров первой и не первой необходимости, на покупку машины, недвижимости – любая прихоть была по карману человеку с такими доходами. Но зависти к нему Сергей не испытывал, нет. Он думал о нем, как о громадном клопе, присосавшимся к его, Сергееву, телу, клопе, которого он раздавил бы с большим наслаждением, но только как это сделать?..

С чувством глубокого омерзения к чубайсам, немцовым и другим кровососам он перешел в комнату, сел на диван и включил телевизор. Ему хотелось чем-то отвлечься от угнетающих мыслей, увидеть что-нибудь приятное для души, но на экране!..

Шла передача о каком-то сибирском селе. Картины, одна неприглядней другой, снова навевали глухую тоску: кособокие избы с прогнившими крышами, люди в рваных одеждах с лицами узников концлагерей, на заснеженных улицах, где не было видно ни одного машинного следа, качаясь, бродили худые собаки.

Корреспондент говорил, что село вымирает, что людям негде работать, что существуют они только за счет огородов.

Но появление здесь телевидения – не уникальность села. Таких вымирающих сел сейчас – тысячи. Повод другой: сюда из побежденной Германии прислали гуманитарную помощь – старые вещи. Местные власти решили раздать эти обноски бесплатно, и на церемонию пригласили представителей СМИ. Раздачу сделали в школе. Завуч, женщина среднего возраста, говорит, что даже такие не новые вещи здесь как нельзя кстати: многие дети ходят в школу в отрепьях. Она примеряет какую-то полинявшую кофту на девочку лет десяти. Кофта по росту, но девочка прячет от телекамер лицо: ей стыдно. Стыдно за себя, за родителей, за родную страну.

Не в силах наблюдать за этим позорищем, Сергей выключил телевизор. «Знает ли наш Президент об истинном положении народа? Как его сердце выносит такое?!..»

Сергей лег на диван и, смотря в никуда, стал считать: сколько дней остается до выборов.

Теперь-то он их ни за что не пропустит! За кого голосовать – это потом, с этим он еще разберется. Главное – не стоять в стороне, не быть презируемым обывателем, главное – быть полноценным гражданином страны!

2003 г.

Ноу – хау

Эта безымянная рукопись (ни заголовка, ни фамилии автора) у меня оказалась случайно. Уборщица, зачищавшая шкафы после съехавших на днях арендаторов комнаты, подошла ко мне с пожелтевшей папкой-скоросшивателем и произнесла озабоченно:

– Вот, поглядите: кажись, позабыли. Как бы не хватились за ней... Кажись, какой-то роман...

Это был не роман, а, скорее, рассказ. Рассказ об одном драматичном событии, случившемся в наших краях где-то на заре перестройки.

Не вдаваясь в анализ происходивших в те годы государственных потрясений, автор повествует о том, какое несчастье свалилось тогда на захолустный приволжский поселок, и как далекий от геройских достоинств, заурядный российский мужик взялся вызволить (и, главное, вызволил!) многих людей из, казалось бы, непоправимой беды. Портрет этого чудотворного избавителя нарисован правдиво и красочно.

Рассказ мне понравился, и думаю, что понравится многим. Полагаю, что он не должен дальше оставаться в неизвестности в полумраке канцелярского шкафа, и предлагаю его своим современникам в том изложении, в каком появился он у меня.

Сюда, в четвертую городскую больницу, я попал по направлению из поликлиники: участковый терапевт заподозрила у меня язву желудка и настояла на стационарном обследовании.

– Даже если я ошибаюсь, – сказала она напоследок, – ничего страшного: полежите, отдохнете немного, отвлекитесь от повседневных забот. Условия там хорошие.

– Уж лучше бы вы ошибались! – не смог удержать я в себе свои чувства, думая, конечно, только о язве.

Условия, на мой взгляд, были далеки от хороших и даже посредственных: палата – на семь коек, только две из них были рядом с окнами, другие отступали в глубину помещения. Мне досталась самая крайняя, у внутренней стенки, в полумраке и духоте. Кроме коек здесь были еще тумбочки с тараканами, круглая железная вешалка и три постоянно кочующих стула. Туалеты и комната гигиены находились в дальнем конце длинного коридора. Про кормежку и говорить неохота: почти вся пища оставалась в тарелках не съеденной. Выручал молочный магазин, приютившийся возле ворот больничного комплекса. «Хорошо, если бы доктор также заблуждалась и относительно язвы!» – опять думал я, погружаясь в устоявшийся здесь неуют.

Обследование началось с продолжительной беседы с палатным врачом по имени Нина Петровна, спокойной немолодой женщины в чистом белом халате, легких комнатных тапочках и очках с круглыми стеклами в металлической белой оправе. Она простукала и промяла меня тонкими, но сильными пальцами, спускаясь от шеи к середине трусов, прослушала с помощью фонендоскопа, измерила кровяное давление, затем присела на принесенный мной стул и стала выпрашивать у меня сведения сугубо личного плана: о том, как я живу, как питаюсь, когда и как отдыхаю.

Я понимал, что такие вопросы помогают врачам докопаться до причины и характера заболевания, и потому отвечал ей охотно и достаточно откровенно. Пришлось рассказать и об одном странном случае, когда я вдруг оказался во власти непонятного мне, какого-то кошмарного состояния.

В августе прошлого года я получил кратковременный отпуск, вернее, отгулы за работу в выходные дни и почти неделю предавался безделью. Жил я один, понукать меня было некому, и основными моими занятиями были пляж, кафе-столовая и телевизор. Его-то я и считаю главным виновником начала моих неприятностей.

Одна из передач по второму каналу называлась «Умеете ли вы отдыхать?». В ней убедительно, с опорой на бесстрастные цифры и далеко не бесстрастные иллюстрации, утверждалось, что многие граждане нашей необъятной и великой страны потрясающе расточительно и неразумно распоряжаются самым ценным, что у них есть, а именно – здоровьем и временем. При этом время выводилось на первое место, называлось ведущим фактором в этом тандеме, фундаментом как для здоровья, так и для всего остального. Молодые напористые телеведущие наперебой и взахлеб вразумляли нас, зрителей, и призывали ужаснуться тому, как бессмысленно и бездарно протекает наша единственная и неповторимая жизнь. Приводилась весомость мгновения, минуты, не говоря уже о других, более крупных бесценных и безвозвратных отрезках.

Эту передачу я зачарованно просмотрел до конца и расстроился основательно. Я вынужден был признать, что отношусь к числу тех невежд, кто безоглядно транжирит столь драгоценное свое состояние. Я, конечно, имел в виду только то время, которое находилось в моем полном и непосредственном распоряжении, то есть, исключая время работы: там подход к его оценке особый, и не оно являлось причиной моих сокрушений.

Я вспоминал, как проводил свои отпуска, субботы, воскресенья, и мне становилось не по себе. Я свободно мог оказаться отрицательным персонажем этой поучительной телепередачи. После нее я стал как-то побаиваться полагающихся мне дней отдыха и заранее начинал мучиться над вопросом: как следует поступить в этот раз, как опять не опростоволоситься, как сделать неотвратимый досуг насыщенным и полезным? Охота? Рыбалка? Посещение библиотеки? Кино? Стадион?.. Все, что ни приходило на ум, казалось слишком обыденным, чем-то не тем, что нужно мне, человеку теперь просвещенному, человеку, которому посчастливилось наконец-то прозреть, осознать глубину своего прозябания.

Следует, правда, отметить, что ведущие не относили те же, скажем, стадион или библиотеку к числу осуждаемых увлечений, а про охоту и про рыбалку прямо так и сказали, что по сведениям, дошедшим до нас из глубины далеких веков, время, проведенное на этих мероприятиях, боги даже не засчитывали в счет отмеренной жизни.

Но мне уже хотелось чего-то большего, чего-то такого, что не только было бы оправданным в текущий момент, но и в какой-то степени восполнило бы мои прошлые промахи и упущения.

Удовлетворить, однако, мои такие запросы оказалось непросто. Чего бы я не придумывал, все мне казалось незначительным и наивным. Я ломал голову в размышлениях, путался в вариантах и их комбинациях, но ни на чем не мог окончательно остановиться. Наступали свободные дни, и все проходило так, как обычно – самотеком, о чем я в дальнейшем опять сожалел и долго терзал себя думами о новых утратах. Дело дошло до того, что нерабочий день страшил меня так, будто мне предстояла изощренная пытка.

От этих гнетущих страданий избавил меня неожиданно человек, не связанный ни с медициной, ни с журналистикой – мой дядя, Алексей Васильевич, бывший военный летчик истребительной авиации. Прожив трудную, полную опасностей жизнь, он относился к ней философски.

– Плюнь ты на свои заумные штучки-дрючки, – авторитетно произнес он, выслушав мои тоскливые откровения. – Живи, как живется, радуйся тому, что имеешь и не бери себе в голову лишнего!..

Удивительно, но этот немудреный совет возымел целебное действие. Мне стало как-то полегче, мысли о собственной неполноценности, навеянные с голубого экрана, постепенно растаяли, период глубокой неудовлетворенности своим образом жизни благополучно был завершен и почти позабыт. Я вспомнил о нем только под рентгеном вопросов дотошной Нины Петровны.

Когда я поведал ей о последствиях той телелекции, она объяснила:

– Все это очень похоже на нервы, на истощение вашей нервной системы. В таком состоянии внушаемость повышается, наблюдаются различного рода депрессии, срывы... Нервы повинны во многих наших болезнях. Нервы и нерациональное питание – верный путь к язвам... У вас, вероятно, был напряженный период работы?..

Мне захотелось кое-что уточнить.

– Видите, доктор, работа у меня действительно беспокойная, но, когда случился тот, как вы называете, срыв, я несколько дней не работал – находился в отгулах.

– В этом и заключается коварство болезней, – доверительно сообщила Нина Петровна. – Они подстерегают нас именно при расслаблении. У меня был знакомый – хирург, он работал в полевом госпитале. Так он однажды рассказывал: в войну бойцы зимой ночевали прямо в окопах и – никаких простудных заболеваний! Зато после у тех, кому посчастливилось уцелеть, вылезли все болячки... Так и у вас: в период относительного спокойствия, после спада нагрузки, организм подвергся атаке притаившейся до поры болезни. Потом, когда вы опять вошли в свой привычный рабочий ритм, она опять временно отступила, и вы о ней позабыли... Я говорю о принципиальной характеристике этого механизма, – спохватилась она. – Совсем не обязательно, что вы нервнобольной, или, что у вас уже язва! Здесь еще предстоит во всем тщательно разобраться.

Врач сама передвинула стул к другому обитателю нашей палаты, а я, устроившись полусидя на койке, стал размышлять над ее разъяснениями, проецируя их на свою, теперь уже трудовую, сторону жизни.

В больнице время тянется медленно, и мне, соблюдая, естественно, установленный здесь режим и выполняя назначения Нины Петровны, многое удалось воскресить в своей памяти и даже провести детальный анализ того, чем я жил в последние месяцы.

Начал я этот анализ с прошлого года ноября. Именно тогда с помощью дяди, о котором я уже говорил, я освободился от наваждения и стал занят только привычной работой.

Работал я в ПМК – передвижной механизированной колонне, занимавшейся строительством сельских водопроводов. Тот, кто хоть немного знаком со строительным производством, может представить себе, что творится здесь в последние месяцы года. Процентки, отчеты, акты, протоколы, справки различного рода и для разных инстанций, перечни недоделок и планы мероприятий по их устранению... Бумаги и совещания, новые бумаги и новые совещания... И в центре этой сплошной кутерьмы находится ПТО – производственно-технический отдел, начальником которого я был уже несколько лет.

Предновогодний ажиотаж, как правило, в декабре не кончается, а захватывает и январь, осложняя новые хлопоты: составление титульных списков, заключение и пролонгация договоров, открытие финансирования, и так далее, и тому подобное.

Когда, уже в феврале, были закрыты проблемы прошедшего года и сверстаны планы текущего, облегчения мы не почувствовали – начался период притирки в работе с новым начальником ПМК, Лемехом Николаем Максимовичем. Бывшего начальника перевели для нас неожиданно в трест, на должность заместителя управляющего, а нам прислали нового, со стороны.

Лемеха до этого мы не знали и отнеслись к нему настороженно: новая метла, она всегда новая, как она будет мести – неизвестно. Представлял его коллективу сам управляющий трестом. Он говорил, что Лемех – опытный руководитель, что работал он долгое время в городском коммунальном хозяйстве, и он, то есть управляющий, очень надеется, что он, то есть Лемех, сумеет обеспечить должный уровень нашей работы.

Из этой речи я понял, что Лемех специалист не нашего профиля, что идея его появления здесь исходит не от нашего треста, а от кого-то повыше, и что нам предстоит трудная жизнь: амбиций у этого Лемеха может быть сколько угодно, а знаний нашего дела – кошкины слезы. У меня был уже опыт работы с начальником-дилетантом – дрожь до сих пор пробирает.

По внешности Лемех походил на представителя солнечной Азии: смугл, круглолиц, коре-наст. Несколько позже стал ходить слух, что он из потомков немцев Поволжья, но слухи есть слухи.

В своем выступлении Лемех сказал, что будет рад возглавить такой достойный участок работы, о ПМК он знает только хорошее и убежден в том, что эта положительная тенденция будет продолжена. Говорил он внятно, спокойно, уверенно, но не по речам судят людей у строителей.

У Лемеха если и были недостатки в знаниях по строительству сельских водопроводов, то их еще надо было распознавать, а вот хватка жесткого руководителя у него была проявлена сразу. Когда я представил ему конъюнктурный обзор состояния строительства, он тут же зафиксировал главный наш недостаток.

– Я вижу, – произнес он, пробежав глазами весь список, – что почти на каждом объекте не было никакого движения: на начало прошлого года освоение средств было на девяносто процентов, так эти же девяносто процентов остались и на начало текущего года. Почему какие-то жалкие десять процентов за целый год не освоены?!

Я был готов объяснить, но Лемех не стал меня слушать.

– Дальше так не пойдет! – пристукнул он кулаком по столу.

На первой же планерке он объявил, что пока не будет сдано госкомиссии то, что не сдано по непонятным ему причинам, и вдаваться в которые он не намерен, новые объекты он начинать не позволит.

Лемеха можно было понять – зачем ему обрабатывать чужие приписки?!

Прорабы, естественно, в панике, пытаются растолковать, что у строителей всегда так: план делают за счет новых объектов, а старые подчищают потом, между делом, иногда за счет дополнительных средств заказчика.

Лемех был непреклонен: отчеты и процентовки должны соответствовать реальному положению вещей!

– Сумели напортачить в отчетах, сумеете вовремя выправлять! – чеканил он свои установки. – Все!.. Помощь я вам, конечно же, окажу: за каждым объектом будут закреплены кураторы из управления. Те, кто так же виновен в приписках! В течение первого полугодия все должно быть приведено в норму!

В числе кураторов было названо и мое имя. Мне досталась Грачевка, село на севере области, участок старшего прораба Шакина. В общем, это был не худший объект: освоение средств по отчету на нем действительно было почти стопроцентным, но и дела там были близки к завершению – оставались отделочные работы в насосной станции второго подъема, а так же опрессовка и промывка сетей.

Однако нельзя умолчать и о том, что грачевский водопровод не был второстепенным объектом. Наоборот, он находился, как принято теперь говорить, в фокусе пристального внимания многих влиятельных людей и организаций. Его держали под неусыпным контролем как снизу – жители этого старинного поселения, так и сверху – администрация области.

Местные жители, можно сказать, выстрадали свое право на чистую, пригодную для питья воду и, понятно, жаждали получить ее как можно быстрее. Они буквально дышали в затылок строителям.

У областного начальства имелись свои причины не вычеркивать этот сельский водопровод из перечня ответственных дел до полного его завершения и ввода в эксплуатацию.

Грачевка располагалась на правом берегу Волги километров в девяносто от нашего города. Берег там высокий, обрывистый, и по этой причине вода была главной головной болью здешнего населения. Веками ее в село везли в бочках, сначала в лошадиных упряжках, позднее, когда здесь был создан совхоз, появилась автомобильная водовозка. Водовозка работала круглыми сутками без выходных, но воды все равно не хватало. Дефицит ее был виден по облику

Грачевки: из зелени – только полынь да верблюжьих колючки, во дворах – ни единого деревца, почти не было огородов. Занятием жителей были: работа в совхозе, разведение кур и рыбалка. Кое-кто сумел соорудить примитивные водокачки, но они не решали проблемы. В летние дни село казалось безлюдным, ставни в окнах были закрыты, по улицам суховея играл клубами пыли.

Многие поколения грачевцев мечтали о настоящем водопроводе и жгуче завидовали другим, особенно левобережным волжским поселкам, в которых вода уже давно была в изобилии и подавалась бесперебойно не только в уличные колонки, но и во дворы, а то и в дома, почти так же, как в городе.

Понятно, что жители Грачевки были нисколько не хуже людей, населявших другие поселки, и страдания их объяснялись только одним: сложным техническим решением системы водоснабжения, точнее, первой, головной ее части. Уровень Волги был ниже Грачевки метров на десять-двенадцать, и высота эта не была постоянной – зависела от времени года. К тому же, во время весеннего половодья берег почти всегда подмывался, обваливался. И это дополнительно затрудняло выбор решения.

Обычные сельские водопроводы, если говорить упрощенно, состоят из труб большого диаметра, проложенных в реку, и берегового колодца, в который вода по трубам идет самоотекотом. Отсюда, уже насосами, она подается на очистные сооружения, потом в водонапорную башню и наконец – в сеть. На концах труб, что в реке, делаются различные устройства защиты: от попадания в них молоди рыб, от повреждения их ледоходом, судами, но важно не это для понимания неспециалисту сущности имевшихся затруднений. Важно другое: вода в прибрежном колодце постоянно должна иметься в таком объеме, чтобы обеспечить работу мощных насосов, чтобы они не успевали его осушать, а это значит, что дно колодца должно находиться значительно ниже концов труб, протянутых в реку. Если учесть, что сами трубы предстоит заглублять (вода в них не должна замерзнуть в зимнее время, а в межлетний период они не должны быть близко к водной поверхности), да еще учесть высоту берега, то можно представить, на какой глубине должны быть проложены трубы – не менее пятнадцати метров!

И это еще не все! Строить колодец близко у берега было нельзя – его непременно разрушит первый же паводок. Безопасное место, по прикидкам проектировщиков, находилось метрах в тридцати от береговой линии.

Вот теперь и проблема: для того, чтобы проложить самотечные трубы, нужно вырыть траншею длиной в тридцать метров и глубиной в полных пятнадцать! О самом колодце я не говорю: его построить мы в состоянии – в ПМК имелась и нужная техника, и специалисты. Колодцы, мы называем их шахтными, ПМК часто строило в безводных местах при чабанских кошарах. Но такая траншея!!.. Выкопать ее было для нас практически невозможно: во всей области не было таких экскаваторов. Вручную же – за годы не выроешь даже если привлечь к этому делу всех работников ПМК и всех трудоспособных грачевцев.

Я был участником одного из совещаний, на котором рассматривалась проблема водоснабжения Грачевки. Представитель проектной организации тогда заявил: высота берега и расчетная отдаленность от уреза воды не позволяют применить типовые решения головной части водопровода, разработка же и осуществление индивидуального проекта обойдется так дорого, что дешевле перенести все село на новое место.

О переносе поселка речь, конечно, дальше этого заявления не пошла, но и других решений тогда принято не было. Проблема зашла в тупик, и казалось, что ни в ближайшем, ни в отдаленном будущем грачевцам не грозит ликвидация водовозок.

И все-таки им повезло. С чьей-то легкой руки жители этого многострадального поселения стали вдруг инициаторами выдвижения одного из местных политиков (бывшего секретаря обкома КПСС) на пост губернатора. Единственным наказом при его выдвижении было... да! Строительство водопровода!

Кандидат этот наказ обещал выполнить, при условии его избрания, конечно. Его выбрали. Он оказался обязательным человеком, и уже через полгода после его вступления в новую должность в Грачевке появились строители – работники нашего ПМК.

Сложный вопрос с водозабором губернатор решил очень просто, по-губернаторски: он отказался от услуг местных проектировщиков, настроенных пессимистично, и обратился к иногородней организации. Там-то и выдали приемлемое во всех отношениях решение. В основе его лежал известный всем способ переливания жидкости из одной бутылки в другую при помощи резиновой трубки. Такая необходимость возникает часто у домашних хозяек и шоферов. Один конец трубки опускается в емкость, где находится жидкость, через другой отсасывается воздух из трубки и этот конец опускается в порожнюю емкость. Жидкость самостоятельно начинает переливаться. Необходимых и достаточных условий работы такой системы два: трубка должна быть герметичной и раздающий конец ее должен быть ниже уровня извлекаемой жидкости.

Условия эти в проекте достигались следующим образом: глубина водоприемного колодца была предусмотрена ниже меженного уровня Волги, вакуум в подающих трубах обеспечивали два специальных насоса, причем, необходимость в них была только для пуска, в дальнейшем эта система должна была работать автоматически.

Проектанты уходили от невыполнимой задачи – большого заглубления труб, теперь глубина их прокладки определялась лишь исключением замерзания воды в них в зимнее время. И хотя трубы поднимались круто по профилю берега, сомнений в надежной работе такого водозабора у специалистов не было.

Сам колодец оставался таким же глубоким, но нас, как я уже говорил, это не лимитировало.

Проект был рассмотрен, одобрен и утвержден, ПМК создало в Грачевке специальное подразделение, и дела пошли так, что водопровод был готов к сдаче в небывало короткие для нас сроки.

В марте, когда Лемех только знакомился с ПМК, в Грачевке начались завершающие работы: испытания труб на прочность и плотность, промывка отдельных участков и установка на улицах пожарных гидрантов и водоразборных колонок. Назначение куратора на этот объект было, по-моему, необязательно, и то, что я все-таки им оказался, я объяснял или недостаточной компетентностью Лемеха в специфике нашей работы, или же его сильным желанием подстраховаться, не допустить оплошности там, где о ней тотчас донесут самому губернатору.

В последней декаде апреля в колонках появилась вода. Нам предстояло еще отладить работу очистных сооружений, добиться соответствия воды требованиям стандарта, но люди уже всю разбирали ее из системы, наслаждаясь невиданным до сих пор ее изобилием и доступностью.

Директор совхоза, энергичный мужчина лет сорока пяти, был в эти дни радостно возбужден. Он первым поставил свою подпись в акте рабочей комиссии и торжественно заявил, что дает банкет в честь строителей.

Мысль о банкете родилась у него, как мне кажется, не случайно. Он понимал, что грачевцы навсегда свяжут водопровод с его именем, и захотел закрепить эту историческую связь с еще одним памятным событием – коллективным застольем.

У меня засосало под ложечкой, когда воспоминания продвинулись до банкета: очень велика была разница между тогдашними разносолами и сиротским больничным пайком.

Вечер был тогда теплый безветренный, но опасаясь неожиданной непогоды, столы накрывали под крышей – в здании сельского клуба, прямо в зрительном зале. Лишние скамейки сдвинули к стенам, а в центре составили букву «П» из канцелярских столов, принесенных из совхозной конторы и сельсовета. Закуска была основательная: куски вареной, жареной и запеченной баранины – совхозной продукции, соленья, сыры, колбаса, крупная каспийская

сельдь с вареным картофелем, осетрина разных способов приготовления... Напитки – традиционные для подобных мероприятий: водка (она доминировала), вино, минералка. На столеперекладине буквы «П», где восседало начальство и члены рабочей комиссии, виднелись также бутылки коньяка и шампанского, там же, на специальной подставке, возвышался большой графин с водой, налитой из клубного крана. За другими столами разместились отдельными группами работники ПМК и представители здешней интеллигенции: служащие совхоза, сельского совета, учителя местной школы.

Лемех тоже прибыл в Грачевку: директор совхоза сам попросил его присутствовать при церемонии подписания акта рабочей комиссии. Это был первый визит Лемеха на сдаваемый нами объект.

Директор совхоза и Лемех, который быстро вписался в праздничную обстановку, обменялись цветистыми тостами. Событие для села действительно было значительным и потому высокопарность речей казалась уместной.

Лемех, очевидно, тронутый словами благодарности в свой адрес, еще раз поднялся и во всеуслышание заявил, что он от имени ПМК гарантирует бесперебойную работу водопровода в течение долгих лет, а в случае чего (не дай, конечно, этого бог) он гарантирует незамедлительное и безвозмездное устранение дефектов.

Мне такие слова показались абсолютно не нужными: никаких гарантий мы еще никому никогда не давали. Исправлять кое-что бывало и исправляли, но без ложного чувства вины – надо было смотреть как следует во время приемки, а вечного ничего не бывает. «Впрочем, – подумал я, – никто слова о гарантиях всерьез не воспримет: чего по пьяни не нагородишь!»

Потом были тосты других участников торжества, но их слушали уже не очень внимательно, под хруст вкусной еды за ушами.

Банкет еще продолжался, когда Лемех вдруг поднялся из-за стола и стал прощаться с сидевшими рядом. С совхозным директором он долго и тепло обнимался, было слышно, как они благодарили друг друга: Лемех – за хороший прием, директор – за бесценный подарок, за воду. Проходя мимо моего места, Лемех сказал, что ему пора уезжать, и он хочет, чтобы я с ним поехал, дескать, есть разговор. Велел также взять с собой Шакина.

Мы втроем вышли на улицу и, пока отыскался шофер, наслаждались чистым и свежим воздухом, поднимавшимся с Волги. На моих часах было около десяти, на небе уже кое-где показались бледноватые звезды, а из клуба доносились нестройные звуки, кто-то пытался затянуть песню.

Делового разговора в дороге не получилось. Лемех, как было заметно, разомлел от выпитого и приятных впечатлений и был настроен сентиментально.

– Хорошо, когда трудовые отношения переходят в товарищеские, – благодушно проговорил он, имея ввиду, как я понимал, директора совхоза, с которым он только что распрощался. – А что?.. Он мужик неплохой, толковый и компанейский. И, к тому же, очень полезный: обещал баранинку подослать по первому требованию, тьфу, черт, не по требованию, понятно, а по простому намеку... Ты, Шакин, давай все там сделай на совесть, надо, чтобы память о нас там была доброй... Перечень недоделок большой?..

– Да нет. Дней на десять... Можно после праздников вызывать наладчиков водочистки... Число на одиннадцатое...

– Владимир Михайлович тебе в этом – первый помощник. Верно?..

Лемех повернулся назад и выжидающе посмотрел мне в глаза. Я согласно кивнул, и всю дорогу мы больше почти и не разговаривали, думали каждый о своем и по-своему переживали этот насыщенный день.

Подписание акта рабочей комиссии юридически означает передачу объекта от подрядчика, в данном случае – от ПМК, заказчику, которым выступал Грачевский совхоз, поэтому я

мог с чистой совестью полагать, что мои кураторские обязанности на этом закончились, и что поручение Лемеха я выполнил с честью. Недаром же совхоз закатил такое небывалое в этом селе торжество. Я вновь почувствовал себя полноценным начальником ПТО. Что касается оказания помощи Шакину в устранении недоделок, о чем говорил Лемех в машине, то это не повод утомлять себя лишними хлопотами за Грачевку: Шакин – бывалый строитель, и он знает, как обзавестись нужной справкой без моей подсказки и помощи.

Жизнь моя, можно сказать, вернулась в свое привычное русло. В Первомайские праздники я отдыхал, отсыпался, в коротком промежутке рабочих дней – от третьего мая до Дня Победы – подбирал кое-какие дела в отделе, а девятого мая почистил и отгладил костюм и направился в гости к Алексею Васильевичу, своему дяде, единственному оставшемуся в живых родственнику-фронтовику.

Девятое мая был для него самым дорогим из всех многочисленных праздников. В этот день он надевал пиджак со сверкающими орденами и медалями и принимал гостей. Во дворе под навесом накрывался стол, и почти целый день здесь было шумно и весело. Алексей Васильевич охотно рассказывал, когда и за какие заслуги он был представлен к заинтересовавшей кого-то награде, показывал вырезки из фронтовых газет, военных лет фотографии, и обязательно ту, где он позировал фронтовому фотографу на фоне разрушенного рейхстага.

Не навестить и не поздравить с праздником дядю в этот знаменательный день было бы непросительным упущением. Но и кроме этой, своего рода обязанности, я шел к нему с удовольствием: общаться с ним было и приятно, и интересно, несмотря на большую разницу в возрасте и, отчасти, в убеждениях. Он был еще крепок здоровьем, жизнерадостен, увлекался охотой, рыбалкой, выезжал за грибами на своем громыхающем «Запорожце», и не упускал подходящего повода выпить стопку-другую. В общем, и сам себе он скучать не давал, и в компании с ним никогда не было скучно.

Не повезло ему в жизни, правда, с жильем. Ютился он почти на окраине города в деревянном ветхом домишке, построенном при предпоследнем царе. Отдаленность и отсутствие у обоих нас телефонов создавали помехи для регулярного общения с ним, и потому каждая наша встреча сама по себе была наподобие праздника, тем более та, на которую я тогда направлялся.

Было, как помню, тепло, солнечно, тихо. Большую часть пути я одолел на трамвае, потом пешком пересек несколько узких не мощенных, почти деревенских улочек, подошел наконец к знакомому домику и отворил выдавшую виды калитку.

Войдя, я бросил взгляд на часы – было больше двенадцати. Дядя и в этот раз не изменил установленной им традиции: во дворе красовался гостевой стол, и по его виду было понятно, что за ним уже хорошо посидели. На земле возле ножки стола грудились несколько пустых бутылок с водочными этикетками, на столе пузатился самовар, виднелись чашки, варенье – верный признак исполнения всего ритуала гостеприимства у людей преклонного возраста.

Судя по количеству стульев, здесь могло одновременно сидеть не менее восьми человек. Сейчас за столом был один Алексей Васильевич. Он немного поупрекал меня за позднее появление и усадил рядом.

– Давай отметим этот святой для всех день – произнес он торжественно и наполнил водкой разнообъемные стопки, себе ту, что поменьше, мне – чуть ли не со стакан. – Штрафная! – добавил он выразительно. – За всех, кто живет, и за тех, кто не дожил!

Я первым выпил до доньшка и вскоре заметил, что чувствую себя моложе и энергичней. Хотелось веселиться и озорничать, вокруг, как в той песне, стало вдруг голубым и зеленым.

Скрип открывающейся калитки разрушил эти блаженные ощущения, и я повернулся к воротам.

Во дворе появился высокий худой мужчина в клетчатой рубашке с закатанными до локтей рукавами. На нем были также широкие штаны, давно не выдавшие утюга, и сандалии на босую ногу. В руке он держал синюю дорожную сумку.

– А-а, Афанасий! – крикнул ему дядя. – Иду!

Вставая, он сказал мне: «Это сосед, он по делу. Сейчас я вернусь».

Я видел, как дядя взял у мужика его сумку и унес ее в дом. «Афанасий... Афанасий...» – звучало у меня в голове. Это редкое имя показалось мне очень знакомым. Его я, кажется, уже слышал в этом дворе. Точно! Все ясно вспомнил! Память даже не пришлось особенно напрягать, она сама услужливо выдала все подробности того осеннего дня, четко, будто бы на экране.

Это было в прошлом году на ноябрьские праздники, в самый острый период моих терзаний по поводу трат свободного времени. Тогда-то я и забрел сюда, можно сказать, случайно, просто чтобы развеяться.

Дядя так же был во дворе, он сидел на низкой скамейке вблизи летней кухни и ощипывал дикую утку. Перед ним стояло ведро и три больших таза. В ведро он бросал крупные перья, в одном тазу были перья помельче, в другом – дичь, подлежащая ощипу, в третьем тазу лежали тушки без перьев, их там было больше десятка.

Дядя, как оказалось, накануне приехал с охоты. Ездил он далеко, к самому морю на легком прогулочном катере, и я не сдержал удивления: как он решился в коварную предзимнюю пору на такой рискованный шаг? Холода в прошлом году нагрянули рано, лужи по ночам уже замерзали.

Я знал, что такое время охотники очень любили: сюда, на юг, слеталась дичь с севера, и охота была продуктивной, но и охотиться там, на взморье, было чрезвычайно опасно. Случалось, что внезапные морозы сковывали прочным и острым, как стекло, льдом алюминиевые суденышки, и люди оказывались в беспомощном положении. Ни под мотором, ни на шестах, ни волоком в резиновых сапогах или костюмах невозможно было вывести катер к незамерзшим протокам: режущий лед не позволял этого сделать. Чтобы выволить охотников из беды, снаряжались специальные спасательные экспедиции, но помощь не всегда успевала.

– Да я и сам не хотел поначалу, – отвечал дядя на мои укоризны, продолжая выщипывать перья. – Напарник мой, Николай, ты видел его на лодочной станции, так вот он приболел, отказался. А с другими я больше не езжу – раза два обжигался. Напьются до изумления и начинают чудить: хвастаться или выяснять отношения, а с ружьями в руках это... сам понимаешь... Ну, в общем и я решил, что не еду, а тут – Афанасий, сосед, вон там его дом, – дядя уткой показал на ворота, – напротив моего, на другой стороне улицы... До сих пор не пойму, от кого он узнал, что я собирался охотиться, и что у меня нет напарника. Короче, приходит сюда он и говорит: «Давай, я поеду с тобой!». Я не слышал, что у него ружье-то имеется. Спрашиваю его, значит, об этом, а он даже обиделся: да ты чего, говорит, у меня «Зауэр» с тремя кольцами! У нас, говорит, в Сибири... И начал такое рассказывать про свой охотничий опыт, что я начал верить, тем более, знаю, что он действительно из Сибири приехал... Тогда у меня возникла другая опаска: они часто скандалят с женой. Она, правда, сама – не дай тебе бог! Пивом в ларьке торгует, но все же и он, рассуждаю, не ангел. Как начнут в доме орать друг на друга – по всей улице мат, хоть затыкай уши. А вдруг, думаю, он и там заведется?.. Ну, значит, стал искать другие причины, чтобы и отказать, и было бы без обиды – сосед все-таки. С бензином, говорю, пока не решил: пенсию пока что не выдали. На водку, говорю, деньги нужны, на закуску. Короче, не готов, говорю, я к поездке. Так ему и сказал. А он наседает: ты, говорит, – соглашайся, а водка и бензин – забота моя. И точно – к вечеру пригнал самосвал с двумя баками и все канистры заполнил. У него свояк – механик на автобазе. Ну, короче, уговорил он меня. Но только на раз! Больше с ним ни за что не поеду...

Дядя замолчал и странно так усмехнулся.

– Что-то произошло там у вас? – спросил я, сел с ним рядом на табуретку и взял одну из неошипанных тушек. – Чего ухмыляешься?..

– Да нет. Того, чего я боялся, не было. Он и выпивши вел себя нормально, по-свойски. Но вот как охотник он – ни в дугу!.. Холодно было, так он в камышовую колку прямо в шубе поперся! Она у него мехом наружу, намочился, обратно пришел весь в сосульках, потом в лодке до полуночи обламывал их.

– А убил он чего?..

– Куда там! Шуба-то черная – весь на виду! Птица за версту шарахается от его огневой точки. Правда, в мою сторону... А он еще, перед тем, как пойти, нарезал в кулак пучок чакана. Спрашиваю: зачем? А он говорит – маскировка! У нас, говорит, в Сибири, все так охотятся. И показал. Значит, как утку увидят, так этот сноп и выставляют перед собой. А он только лицо ему закрывает! Сам себе же мешает!.. «У нас в Сибири!» – передразнил Афанасия дядя.

Картину он тогда нарисовал впечатляющую: где-то в безбрежной водно-камышовой глуши, содрогаясь от порывов морозного ветра, притаился человек в черной лохматой одежде с вымокшими полами и тщетно ожидает прилета к нему чутких и боязливых уток. Ему холодно, руки его сжимают ружье и дурацкий пучок травы, они окоченели и стали красными, как гусиные лапки, сапоги его вязнут в липком иле, он голоден – чуть свет ушел от лодки без завтрака... Но он надеется на удачу и замирает в полусогнутом положении, заметив на горизонте черные черточки. Он верит, что это его долгожданные утки. Только бы подлетели на выстрел!

Я зябко передернул плечами. «Выходит, вот почему, – вспомнился фрагмент из засеваемой в памяти телелекции, – время охоты минует из жизненного актива! Какая же там жизнь?! Там настоящая каторга!»

– Одну он все-таки подстрелил, – продолжал рассказывать дядя, – чумную какую-то. Принес ее к лодке, радуется, смеется, а я смотрю – у него зубов нет! Что с зубами-то, спрашиваю.

Отвечает: «Къякаш это». Оказывается: утка эта была подранок, еще шевелилась, и он, чтобы ее умертвить надумал прокусить ей голову! Как волк! «У нас в Сибири, – говорит, – все так делают». А челюсть – вставная, на двух зубах всего и держалась. Домой в кармане повез... Да, вот еще что: вечером – совсем уж стемнело – перед ним чирок опустился, он его – в упор, метров с пяти. Принес – голова, крылья и ноги: все мясо вырвало. Я ему говорю: выбрось, здесь есть нечего. А он хвалится: «Ты, – говорит, – в моем ружье сомневался! Смотри, как оно кучно стреляет!»

«Так вот он какой Афанасий, сибиряк и охотник», – подвел я итог воспоминаниям о полугодовой давности эпизоде.

Афанасий, облокотившись плечом на створку ворот, вытащил из кармана пачку с сигаретами, спички и закурил. Я искоса посматривал на этого человека. У него была интересная, но без претензий на красоту, голова. Портили ее узкий лоб и вытянутые вперед челюсти. Длинный широкий нос и тонкие губы обаяния ему также не создавали. Волосы у него были прямые, короткие, светлые. Глаза – небольшие, с прищуром.

Афанасий тоже изредка бросал в мою сторону безучастные взгляды.

Дядя наконец вышел из дома и возвратил ему опустевшую сумку. Афанасий тут же ушел.

– Водку я ему заказывал, – объяснил дядя, вернувшись ко мне. – Дом решил приподнять и сделать нормальный фундамент. Рабочих придется поить...

– У меня к тебе есть два вопроса, – произнес я, отметив ясность мысли и трудность ее выражения: язык мой что-то стал не очень послушен. – Во-первых, о доме. Тебе положено иметь хорошую площадь. Как ветерану войны. Со всеми удобствами. Не смотрятся твои ордена на фоне этой халупы.

– Положено-то, положено, да не дают. А теперь даже не обещают...

– А ты добивайся!.. Ходи по инстанциям: к военкому сходи, к губернатору, в Москву напиши – есть же закон!

– И ходил, и писал. Все испробовал, – помрачнел дядя.

– А ты еще раз сходи! – упрямо настаивал я.

Уже потом, дома, я осознал, что лез по-медвежьи в большую душевную рану. Конечно же, он предпринял все, что мог из того, что надо. Не хотел он в тот день признаваться, что прошлое властями зачеркнуто, что старики для них стали просто обузой.

– Чую, что придется здесь свой век доживать, – сдержанно продолжил седой ветеран. – Ничего, сруб прочный, пластинный. Подниму... Вот домкраты достал, – он показал рукой в угол двора, где стояли четыре мощных домкрата, которыми, по их виду, можно приподнять не только тщедушный домишко небогатого военного пенсионера, но и кирпичный коттедж какого-нибудь новоиспеченного богача-паразита, знавшего о войне понаслышке. – Думаю за лето сделать фундамент и отопление от газового котелка... Задумал много... Ну, давай поднимем еще помаленечку...

Мы опять выпили и поковырялись в закуске.

– Теперь у меня второе: почему ты водку берешь не в магазине, а у этого... Афанасия?

– Так он на ликеро-водке работает. Слесарь-наладчик. Он с завода выносит и за полцены продает.

– Ин-те-ресно! Как же ее он пронесит? Там в проходной, я слышал, даже женщин ощупывают. И с сумками на территорию никого не пускают.

Дядя от души рассмеялся.

– Ты же его сейчас видел!.. Тощий он, как скелет! Он может свой живот так втянуть – прямо до позвоночника! У него образуется такая ниша – сумки не надо. Он за пояс наставляет бутылок не менее четырех, как в патронташ. Живот втянет, рубашку наверх выпустит и идет с пустыми руками. Вовек не догадаешься!.. Каждый день он по два рейса делает: вечером и в обед. Ему же водку сбывать надо, вот он соседям и продает. И ему хорошо, и нам. Правда, он и сам зашибает прилично...

Пока я осмысливал это известие, дядя продолжал рассказывать о соседе:

– А руки у него – золотые! И голова варит здорово! У меня в «Запорожце» что-то в электрической системе случилось, два дня бился, а не найду. Ты же знаешь – в технике я не олень, а не могу понять ничего! Заходит он, Афанасий, поддамши, конечно, и все равно быстро, минут за пятнадцать, нашел неисправность... Башка его работает хорошо!

Девятое мая выпало в этом году на понедельник. На другой день, во вторник, я вынужден был поехать в Грачевку, на этом настоял Лемех. В Грачевке должны были появиться работники пуско-наладочной организации, и Лемех решил, что мое присутствие при их работе необходимо.

– Ознакомите их с объектом, передадите документацию, – напутствовал он, – и проконтролируйте, чтобы и они сделали все как надо. Их промахи могут приписать нам, поэтому будьте там до подписания соответствующего акта руководством совхоза... Договорились?..

Мне оставалось лишь согласиться. Перечить начальству меня уже давно отучили.

Мы поехали вместе с Шакиным на самосвале, закрепленном за его участком. Шакин был в беззаботно-приподнятом настроении, вертел большой и круглой, как шар, головой с короткими рыжими волосами, шурил плутоватые глазки и почти всю дорогу рассказывал курьезные случаи из своей беспокойной жизни строителя сельских водопроводов. В конце пути он признался:

– Не помню случая, когда еще было так приятно выезжать на объект: работы закончены, акты подписаны, еду как на прогулку.

– А недоделки? – напомнил я. – Там сколько позиций?..

– А-а, – отмахнулся Шакин. – Разве ж то – недоделки! Ребята уже все, наверно, подчистили. Совхоз туда тоже своих работяг поставил, чтобы быстрее все кончить и малость подучиться у наших.

Обстановка в Грачевке действительно оказалась нормальной. Солидно гудели моторы в насосной станции второго подъема, глубинный водоприемный колодец был заполнен водой до нужного уровня, а в самой отдаленной точке на уличной трассе была открыта задвижка, и вода с хорошим напором вытекала на землю и по уже образовавшейся неглубокой траншее бежала обратно в Волгу. Шла, как и положено, промывка водопроводной системы. Я видел, как из колонок жители наполняли ведра и носили их к себе во дворы. «Все! – сказал я себе. – Дело сделано. Водопровод заработал!»

Наладчиков пока не было. После обеда Шакин заявил, что ему крайне надо вечером быть в ПМК. Я не возражал против его отъезда: строительные и монтажные работы, которые входили в круг его обязанностей, были завершены, оборудование находилось в эксплуатационном состоянии, работало. Относительно же наладочных работ на водоочистке, то это касается больше заказчика, то есть, совхозных руководителей и, в определенной степени, меня, как куратора и контролера.

Шакин уехал, остававшихся здесь рабочих он тоже отправил на базу – станцию уже обслуживали совхозные специалисты. Я же побродил по селу, заглянул в единственный здесь магазин, где продавались и продукты, и промышленные товары, а потом решил опять обойти построенные нами сооружения.

Начал со здания, в котором располагался водоприемный колодец. Здесь и была та новинка, находка проектировщиков, которая разрешила вековую проблему водоснабжения села.

Здание состояло из одной большой комнаты, в центре которой, примерно на полметра от пола, возвышалась верхняя часть колодца с откидной крышкой. Над колодцем висела таль с электрическим приводом, у стены расположены три насоса, назначение которых я знал: один – вакуумный, он создавал разрежение в трубах, протянутых в Волгу, чтобы вода поднималась к колодцу. Сейчас этот насос не работал: свое дело он сделал, вода теперь поднималась самостоятельно. Два других насоса гудели – они качали воду на станцию второго подъема.

Впервые я был в этом здании, когда оно еще строилось. Впечатление – незабываемое: колодец – зияющая круглая бездна, в него сбоку входили и ныряли во тьму две двухсотмиллиметровые стальные трубы с краном на них, для подключения вакуумного насоса.

Сейчас колодец был закрыт крышкой и походил на круглый обеденный стол. Внутренние стены здания были оштукатурены и покрашены, оборудование и трубы – тоже покрашены в разные цвета. Все выглядело привлекательно и уютно. На единственном окне висела цветастая занавеска.

В помещении я никого не застал – оно не нуждалось в постоянном обслуживании. Одно только мне здесь не понравилось – дверь была закрыта не на замок, а на закрутку из проволоки. «Любой может зайти и сыпануть в колодец какой-нибудь гадости», – подумал я и решил предупредить об этом кого-нибудь из ответственных лиц совхоза.

Часа полтора провел я на станции второго подъема, самом сложном, в части эксплуатации, сооружении, поговорил с машинистами водопровода – вчерашними совхозными механизаторами. Их было двое – Федор и Николай, крепкие, уже почерневшие на солнце ребята, общительные и расторопные. Они были довольны своим назначением сюда, только немного смущались отсутствием здесь привычного физического труда: тут и работать-то нечего: все действует самостоятельно, сиди и посматривай.

Дело шло к вечеру, а пуско-наладчики так пока и не появлялись. Я поужинал в совхозной столовой, полюбовался с крутого берега на величавую Волгу, а когда закатилось солнце и стали

одолевать комары, отправился спать в комнату, отведенную строителям в одном из совхозных домов.

Проснулся я от громкого стука в окно. Было светло, но на часах – всего без четверти шесть. «Кому я понадобился в такую рань?!». Отодвинув чуть в сторону занавеску, я увидел четырех человек, один из них был знакомый – главный инженер совхоза. Бросалась в глаза их одежда – полудомашняя, одевались, видимо, в спешке. Главный инженер был в спортивном костюме и чуть ли не босиком – в каких-то изношенных шлепанцах. Возле него, размахивая руками, крутился щуплый мужчина, только он один был одет по нормальному.

«Что-то с водопроводом!» – сразу мелькнула у меня тревожная мысль. Я метнулся на кухню и повернул кран (сюда, как и еще в некоторые дома, в основном, руководящих работников, водопровод провели внутрь), кран молчал!

– Сейчас! Выхожу! – крикнул я в форточку и торопливо оделся.

Первым обнаружил неладное совхозный шофер Сеня Семенов, тот, кто суетился сейчас возле главного инженера. Ему нужно было пораньше куда-то поехать, и он, уже по привычке, пошел с ведром за водой к колонке.

– Надавил ручку, – возбужденно рассказывал он, как видно, не в первый раз, – а воды-то и нету! Тю-тю! Я – ухом к дырке трубы – никаких звуков! Мертвая тишина! Свет, смотрю в окно, есть – значит, насосы должны работать. Заснули, думаю, черти там, на водокачке, и прямо с ведром топаю к ним. А они – нет, не спят. Оба стоят возле домика, который к берегу ближе, и ничего толком не объясняют. Встали, говорят, моторы – и все тут. Сначала, говорят, загудели натужно, как с перегрузкой, потом что-то щелкнуло, и они встали... Тогда я – к директору, а он послал вот к нему.

Семенов показал рукой на главного инженера.

Мы всей группой направились к насосной станции. Малорослый Семенов семеня рядом со мной и с придыханием торопливо излагал все новые и новые свои впечатления, он явно чувствовал себя героем этого дня и уверенно увлекал нас к зданию с глубинным водоприемным колодезем.

В дверях стоял здоровенный, с лохматой головой парень и хмуро смотрел в нашу сторону.

– Ну, чего там? Рассказывай живо! – подскочил к нему Семенов.

– Сам не пойму, – ответил парень, но не Семенову, от него он отмахнулся, как от назойливой мухи, а главному инженеру. – Ночью насосы остановились. Свет горит, а они не работают. Мы с Васькой вечером заступили, сразу побегли сюда, смотрим: колодец полон воды, а насосы стоят. Похоже, что колодец илом забило.

– Почему илом? – вмешался я, – Откуда там взяться илу?

– Откуда – не знаю, но что ил – это точно. Иди, сам загляни, если не веришь.

Он, я и главный инженер вошли в здание. Крышка колодца была откинута, в шаге от него стоял худощавый парнишка с капроновой веревкой в руках. Один конец веревки сбегал внутрь колодца, другой кольцами лежал на полу.

– Она как раз до самого дна доставала, – сообщил нам лохматый. – А сейчас... Покажи!..

Парнишка потянул веревку и вскоре вытащил привязанный к ней камень.

– Вон теперь сколько до дна, – прокомментировал лохматый, – метра четыре. А раньше чуть ли не вся она туда уходила.

Он взял в свои руки веревку и опять бросил конец с камнем в воду. Поднимая и опуская его, он подтвердил правильность своих слов: камень где-то неглубоко ударился о грунт.

– Все трубы заилились, – тихо проговорил худощавый парнишка.

Я прикидывал, что можно сделать в такой ситуации. Нужно окончательно убедиться: ил там или что-то другое. В любом случае концы подающих труб тоже должны быть забиты, значит вода с реки больше не поступает.

– Давайте ведрами отчерпаем воду до этого ила, – предложил я парням, – тогда все станет ясно.

В эту работу включились и люди, которых взбудоражил Семенов. В полчаса вода была вычерпана, и перед нами, в свете опущенной лампы, предстало твердое песчаное дно. Столб песка, который как-то прорвался в колодец, составлял, по моим прикидкам, не менее шести метров. В этом песке оказались замурованными задвижки, поставленные на концы подающих труб, сами подающие трубы, погружной насос, и приемные трубы насосов, качавших воду на станцию второго подъема. Песок был настолько плотным, что почти не поддавался лопате. Картина была удручающей.

К зданию подъехал на «Волге» директор совхоза. Главный инженер почти побежал к нему и начал что-то рассказывать. Директор слушал и хмурился все больше и больше. Потом он вошел в здание, заглянул вглубь колодца и удалился, не проронив здесь ни слова. У машины он спросил главного инженера:

– От ПМК есть кто-нибудь? – как будто он меня и не видел. – Вот пусть они разбираются!

Я видел, как он усаживается на первое сиденье, велит главному инженеру садиться на заднее, и машина помчалась прочь, поднимая густую желтую пыль. «Сейчас начнут насиловать телефоны, – раздумывал я. – Если дозвонятся до области, мало нам не покажется!.. Нужно срочно сообщить Лемеху!.. Но как?» Машины у меня не было. По телефону? Для этого надо было идти в совхоз, к директору, звонить от него, а встречаться с ним в это время мне совсем не хотелось.

Выручили пуско-наладчики. Они подъехали на микроавтобусе и сразу поняли, что им и сейчас, и наверно еще долгое время здесь будет нечего делать.

– Возвращаемся в город! – скомандовал старший.

Из разговора я ними я понял, что наладчиков сняли с какого-то другого пускового объекта по прямому указанию губернатора. Я попросил их забросить меня в ПМК, и они согласились. Пока старший ездил в контору совхоза сообщить, что наладчики прибыли, и что они уезжают, я объяснил остающимся у насосной станции людям, что я так же уеду, но только лишь для того, чтобы срочно найти решение, и вернусь сюда с техникой и рабочими.

– А вы пока вынимайте грунт из колодца. Непонятно, как туда мог он проникнуть?..

Дорога в ПМК заняла два часа, и когда я приехал, там уже знали о происшествии.

Звонили со всех сторон: из Грачевки, из районной администрации, из областной... Лемех был сердит и растерян. Увидев, что я вхожу в кабинет, он сразу приказал секретарше:

– Всем, кто звонит, говори, что я выехал на объект. Записывай, кто звонит и по какому вопросу, и говори, что меня нет и сегодня не будет... Ну, что там стряслось? – переключился он на меня.

Я коротко рассказал об увиденном, упомянув и о реакции директора совхоза.

– Где Шакин?! – гаркнул Лемех в селектор. – Срочно разыщи его мне!

По территории ПМК разнесся голос секретаря, усиленный динамиком:

– Старший прораб Шакин! Старший прораб Шакин! Срочно пройдите к начальнику ПМК!

Минут через пять запыхавшийся Шакин вошел в кабинет.

– В Грачевке что-то случилось с водозабором, – встретил его Лемех такими словами. – У тебя там есть кто-нибудь?..

– Нет. Я после сдачи снял всю бригаду...

– А недоделки?! – загремел Лемех. – Мы же слово дали немедленно устранять все замечания и недоделки!

Мне показалось, что начальник готовит почву, чтобы выставить Шакина в роли главного виноватого, но тот тут же нашел себе оправдание: «Вы же сами мне сказали, что нужно срочно перебросить всех людей в Гусево! Я так и сделал. А недоделки в Грачевке мы почти все закон-

чили, там мелочевка осталась. Я договорился с главным инженером совхоза, что они сами там все подберут. Он мне справку уже подписал о ликвидации недоделок... А снять оттуда людей, вы же сами мне приказали...

– Ну, хорошо, хорошо, – вынужден отступить Лемех. – Дело сделано. Сейчас вместе с Владимиром Михайловичем определитесь, что можно там предпринять, а завтра с людьми и всем, что будет необходимо, отправляйтесь в Грачевку! Чтобы к обеду были на месте!..

Мы с Шакиным прошли в ПТО и подняли проектные материалы. Заилиться так колодец мог только в том случае, пришли мы к обоюдному мнению, если плохо заделан стык между кольцами: мог образоваться свищ, и пловун через него прорвался в колодец. Правда, если судить по отчету об инженерно-геологических изысканиях, никакого пловуна в этом месте быть не должно.

Шакин сбегал за бригадиром, который строил колодец, тот, к счастью, тоже оказался на базе.

– Скажи, – спросил я его, – когда опускали колодец, кто заделывал стыки?

– Федотов. А я контролировал...

Федотов в ПМК был на хорошем счету, и его халатность в работе почти исключалась.

– А когда вынимали грунт при опускании колодца, пловуна не было? – продолжал я добираться до истины.

– Нет. Был в одном месте влажный участок, но мы его прошли быстро. В основном, грунт был сухой – глина.

Разговор с бригадиром ничего, практически, не прояснил, но его упоминание о влажном участке настораживало. Версия о пловуне и свище не исключалась, и мы с Шакиным стали обсуждать способы устранения аварии, исходя из этих соображений.

От этого непродуктивного пока занятия нас отвлекла секретарь: Лемех срочно вызывал нас к себе в кабинет. Он нервно топтался возле стола и размашистым жестом указал на лежавшую там бумагу: «Читайте!!»

Это была телефонограмма. В три адреса: нам, главе районной администрации и губернатору. Директор совхоза взывал: «Село без воды, строителей нет, просим обязать начальника ПМК Лемеха немедленно устранить аварию!»

– Не мог по-хорошему, – сквозь зубы процедил Лемех, увидев, что мы прочитали написанное. – Что прикажете мне отвечать?!.. Чего надумали за это время?!..

Мы оба молчали: что можно было придумать? Да и время-то у нас почти не было.

Лемех окинул нас презрительным взглядом и приказал секретарю соединить его с главным инженером ПМК, с Кусаевым.

– Анатолий Степанович! – сердито бросил он в трубку. – Может быть ты, в конце-то концов, объяснишь мне, что там случилось в Грачевке?!.. То есть как ты не в курсе?!.. Половина области – в курсе, губернатору доложили, а главный инженер ПМК, видите ли, не в курсе!! Забирай Шакина, и с ним срочно туда! Разберитесь на месте и примите решение! Оттуда мне позвоните, я буду ждать!.. Пусть даже ночью!.. Да, Шакин пошел к тебе!

Это была явная паника: между руководителями мехколонны официально, приказом, объекты были распределены по принципу – северные курирует начальник, южные – главный инженер. На юге было больше участков, и главный инженер был загружен работой сверх головы. Этот принцип пока ни разу не нарушался. Сейчас Лемех, почувствовав, как видно, запах паленого, затрясся от трусости.

– Ты тоже будешь на связи! – сказал он мне, положив трубку.

До десяти вечера никаких звонков из Грачевки не поступало. «Нечего сообщать», – думал я, торопясь на последний маршрутный автобус.

Утром начальник опять собрал нас в своем кабинете. Кусаев докладывал обстановку.

– Плохо там, – говорил он с видом очень уставшего человека. – Заилило глубинный колодец. Трубы, задвижки – все в песке наглухо. Воду откачали – сверху песок твердый, лом не вытаскается. И до места прорыва не доберешься – плывун давит: ведро с песком наверх поднимут, а ямка уже опять заплывла.

Кусаев повторил в точности то, что я уже видел. Мне окончательно стала понятна и причина аварии, и трудность ее устранения.

Лемех же усваивал это с трудом – у него не было нужного уровня знаний. На непосредственном руководстве строительством он оказался случайно. Его, как мы теперь это знали, из управления коммунальным хозяйством назначили сюда за какие-то промахи, и до этого случая метод его руководства был примитивен: постановка общих вопросов и упреки за нерасторопность в их разрешении. В конкретные разбирательства технических сложностей он, как правило, не вступал. Сейчас уйти от конкретики было, практически, невозможно.

– Я не знаком с проектом этого водозабора, – неохотно вымолвил он, – пришел уже к сдаче объекта. Объясни, пожалуйста, поподробней.

Кусаев придвинулся ближе к Лемеху, взял со стола чистый лист и начал делать наброски.

– Значит, так, – говорил он, рисуя, – приемный колодец состоит из двенадцати железобетонных колец. Длина кольца – один метр, диаметр – тоже метр. Кольца посажены друг на друга на цементном растворе и должны образовать монолит, сплошную трубу. Внизу – бетонное днище. Очевидно, где-то вот здесь, – Кусаев пометил кружком место, примерно, в середине колодца, – образовался свищ, и это место оказалось в линзе из водонасыщенного песка. Его то через щель и продавливают в колодец.

Лемех удивленно рассматривает рисунок.

– Как же вода из реки поднимается в эту гору? – вырвалось у него.

Мы втроем, дополняя друг друга, рассказали о принципе работы этого водозабора, но начальник, по-моему, так до конца и не понял. Он испытующе поглядывал на нас: не морочим ли мы ему голову, и не в этом ли хитроумном решении кроется вся загвоздка?

– Какие предложения? – спросил он, когда все выговорились.

– Копать надо, – неуверенно ответил Кусаев. – Надо откопать до свища, зачеканить его, а потом откопать весь колодец.

– Копать? – переспросил Лемех. – Но вы же только что здесь заявили, что вчера целый день там копали и, говорите, что ничего из этого не выходит!

Кусаев пожимает плечами, он заметно смущен.

– Там с лопатой не развернешься, – вступает в разговор Шакин. – Всего метровый диаметр, да еще трубы. Там человек с ведром едва помещается...

– Ты еще выступай! – медведем заревел Лемех. – Это результат разгильдяйства с твоей стороны! Будешь сам в этом колодце сидеть, пока его до дна не отроешь!

Я невольно внутренне усмехнулся, представив крупнотелого Шакина в грачевском колодце: он не сможет в нем находиться и стоя, не то чтобы выкопать ямку, сгибаясь.

– Тесно, конечно, – произносит Кусаев, – но другого выхода я не вижу. Укоротить ручки лопат, подобрать мужичков малорослых и – копать, копать. Копать непрерывно и быстро, быстрее, чем поступает плывун. Директор совхоза тоже людей выделяет там к воде уже по привычке, ему тоже житья не дают...

– Вот, вот, – воодушевляется Лемех. – Совхозников обязательно задействовать надо! Совместно, мол, устраняем! Меньше жаловаться будут!.. Ты, Анатолий Степанович, брось пока все другие дела и вместе с Шакиным сидите в Грачевке, пока не исправите. Все ПМК в вашем распоряжении! А я постараюсь закрыть другие объекты.

Лемех долго в упор рассматривал Шакина, тот потупился и молчал, несколько минут в кабинете было тихо и тягостно.

– Если ко мне ничего у вас нет, занимайтесь! – вымолвил наконец наш начальник.

Кусаев и Шакин вышли. Мне Лемех поручил срочно связаться с проектировщиками.

– Я уверен, что они сюда тоже свою лопату дерьма подложили, – говорит он с гримасой, – Пусть тоже впрягаются!.. Они, совхозники... Когда все подключатся, глядишь, и на нас меньше наседать будут... Да, надо и трест, наверно, побеспокоить... Ну, это я сделаю сам.

В проектном институте, куда я пришел в пятницу утром, мы долго изучали отчет по инженерно-геологическим изысканиям.

– Судя по буровым скважинам, – повторял неуверенно главный инженер, – такого быть не должно: грунты по всей глубины однородные, сухие... Может быть, действительно, попали на случайную линзу?.. Надо поручить изыскателям сделать контрольную скважину.

Мы договорились, что в понедельник, часов в двенадцать, встретимся там, в Грачевке.

Проектный институт находился в новом здании, построенном на окраине города, в районе, где обитался мой дядя, и я, закончив с проектировщиками, решил заглянуть к нему. Время было уже далеко за полдень, и ехать в ПМК мне не хотелось. «Все равно там никого уже не застанешь», – придумал я для себя оправдание.

Во дворе, у стены летней кухни, я увидел небольшой столик, на нем – бутылку водки, трехлитровый белый молочный бидончик, с десяток куриных яиц и горку вяленой воблы. За столиком были дядя и длинный худой мужик, в котором я узнал Афанасия. Они пили пиво и жевали воблиные спинки.

– Заходи, заходи! – крикнул мне дядя. – Как раз вовремя!.. Мы, вот, с соседом отпуск его обмываем... Вы знакомы?..

– Да так, – ответил я, пожимая плечами.

– Афанасий, – мужик протянул мне длинную костлявую руку с огромной ладонью. Пожатие его было крепким.

– Владимир, – представился я.

Дядя из сарая принес еще два стакана и налил в один водки – до половины, в другой из бидончика – пива.

– Давай, догоняй нас.

Мы выпили вместе. Дядя задал вопрос о здоровье, потом – о делах, и я, слегка захмелев, рассказал ему о наших проблемах в Грачевке. Он так заинтересованно слушал, что рассказ мой получился подробным. Афанасий молча сосал воблу, но я заметил, что он тоже прислушивается.

Дядя все удивлялся: как же осталось село без воды?! Как же так можно?!..

– Гиблое дело, – подал голос и Афанасий, выслушав мой рассказ. – Колодец, конечно, можно зачистить, но как с приемными трубами? Песок забился туда до самого оголовка, его ничем оттуда не выдавишь...

– Те трубы нас совсем не волнуют, – сказал я, поняв, что Афанасий уловил суть наших трудностей. – Нам именно колодец надо зачистить! У нас трубы проложены так...

На земле прутиком я нарисовал схему водозабора.

– Умно, – похвалил Афанасий. – Тогда, конечно, можно кое-что сделать. Мне такое встречалось. У нас в Сибири...

Я поперхнулся от острого спазма в горле: вспомнился сибирский опыт Афанасия на охоте, о чем мне рассказывал дядя. Он опять предстал предо мной в камышах, в черной вымокшей шубе, с пучком соломы в руке и кусающим голову утки. И хотя ситуация сейчас была совершенно другой, я не мог всерьез воспринять рассуждения этого человека. С трудом подавив спазм, я перевел разговор на другую тему: что-то о необходимости ремонта крыши на доме. По-моему, ни Афанасий, ни дядя не поняли причину моего странного поведения, во всяком случае, я на это надеялся.

В понедельник утром Лемех, узнав от меня, что проектировщики приедут в Грачевку, захотел сам встретиться с ними, чтобы получить от них заключение, не порочащее репутацию ПМК.

– Ты поедешь вместе со мной, – сказал он. – Собирайся!

Собираться мне было особенно нечего, я зашел в отдел, сказал там, что уезжаю в Грачевку и вышел во двор к машине.

Почти всю дорогу Лемех молчал. Я не беспокоил его ни вопросами, ни замечаниями, просто смотрел в окно на бескрайнюю степь, которая была покрыта еще зелеными травами. «Скоро все выгорит, – думалось мне, – вот тогда на нас насядут по-настоящему: грачевцы будут вопить так, будто их жарят на сковородке!»

Картину в Грачевке мы застали унылую. В здании водозабора у края колодца стояли два угрюмых, обнаженных до пояса мужика с потными спинами и делали изнуряющую работу: они вдвоем вытягивали за веревку ведро, наполненное мокрым тяжелым грунтом, выколотив из ведра темно-серый колюч неподалеку от двери снаружи, они опускали ведро снова в колодец, где сидел еще кто-то. Этот, в колодце, наполнял ведро и кричал, чтобы тащили.

Я засек время. Цикл – десять-двенадцать минут. Чтобы вычерпать такими темпами шестиметровый столб диаметром в метр – это целая вечность! Даже если бы не было нового поступления в колодец песка, но он поступал!

Рабочие были не наши, не из ПМК. Ни Шакина, ни Кусаева, вообще никого, кроме этих двоих и того, кто в колодце, поблизости не было. О столб, подводящий к зданию электрические провода, чесала шею корова, чуть дальше к селу с десятков овец разбрелись по полянке и щипали траву.

– На сколько понизили? – деловито спросил мужиков Лемех, понаблюдав за работой.

– А ни на сколько, – ответил один. – Все на одном уровне. Мы ведро вынимаем, а она на столько же поднимается. Пустое занятие...

– Из ПМК есть кто-нибудь?

– Есть. Они в столовой отсиживаются. Счас туда опять водовозка поехала...

Лемех дал указание шоферу привезти сюда Шакина и Кусаева, но они уже сами показались у крайних домов.

– Ничего не выходит, – сконфуженно произнес Кусаев вместо приветствия. – Пльвун подпират. Как занял один уровень, так и стоит, сколько ни черпай...

– И чего же теперь?! – Лемех не скрывал своего раздражения.

Кусаев молча разводит руками.

– Так чего же?! – тормошит его Лемех. – Чего отмалчиваетесь?!..

– Дело неважное, – выдавливает из себя Кусаев. – Похоже, новый водозабор делать придется, этот сковало наглухо...

– Да вы чего?! – ужасается Лемех. – Больше ничего не придумали?! Как это язык у вас повернулся?!

Лемех минут десять сотрясал воздух громкими возмущениями, Кусаев слушал, обиженно отвернув голову, мы с Шакиным замерли.

– Сколько времени строили этот водозабор? – спросил наконец Лемех тоном, близким к нормальному.

– С полгода, примерно.

– Полгода! Да кто ж нам позволит такое?! С нас в этом месяце головы снимут!

– Тыщи лет с речки возили, – пробормотал в сторону Шакин, но Лемех услышал его и закипел снова.

– Ну, знаешь!!! Ты еще вякаешь! Это твоя вина, в первую очередь! Ты и ответишь!.. Из прорабов вылетишь – это уж точно!

Настоящих строителей такими угрозами запугать нелегко, и Шакин с видимым безразличием пожимает плечами:

– Пожалуйста, если это поможет делу...

На улице показалась светлая «Волга».

– Директор совхоза, – предупредил я.

Лемех сразу преобразился.

– При нем – никакой паники! – приказал он. – Свои проблемы после сами обсудим.

Директор сдержанно поздоровался и сразу спросил:

– Ну, как?

– Не понятно, – отвечал ему Лемех. – Абсолютно ничего не понятно. Похоже, что проектанты не учли состояние грунтов. Ждем сейчас их представителей – пусть предлагают решение... Медленно ребята вычерпывают: за полчаса три ведра только вынули. Надо бы усилить людьми, чтобы чаще менялись.

Директор совхоза одарил Лемеха выразительным взглядом, однако сдержался, ничего не ответил, а наш начальник продолжал объясняться:

– Сейчас переговорим с проектантами, и я опять сюда всех своих людей переброшу. Начальник участка, – Лемех положил руку на плечо Шакина, – шагу не сделает из Грачевки, пока не дадим воду.

Директор совхоза хмуро кивнул, опять сел в машину и уехал в направлении города. Мы продолжали топтаться возле здания, время от времени заглядывая в колодец и отмечая по часам ритм появления ведер с мокрым песком. Он, конечно же, не учащался. В том, что этот изнурительный труд бесполезен, не сомневался больше, по-моему, никто.

– Когда должны приехать проектировщики? – обратился Лемех ко мне. – Как вы договорились?

– Сказали, что будут к двенадцати...

– К двенадцати! – пробурчал он. – Фоны-бароны, изнеженные интеллигенты!.. А сейчас сколько?

Время давно перевалило за полдень. В бездейственном ожидании прошло еще полчаса, потом – час.

– Не приедут они! – озвучил наконец Лемех фразу, которая давно таилась у меня в голове. – Что они – дураки, ввязываться в дохлое дело?!.. Тем более, что проект делали иногородние!.. Правильно я говорю?

– Да, – подтвердил я. – Но изыскания делали наши, местные, а здесь, как видно, и возникла ошибка.

– Вот именно! Поэтому они здесь не появятся!.. Пора и нам начинать показывать зубы!.. Едем на базу! – скомандовал Лемех. – Все, кроме Шакина!.. А ты, мой хороший, продолжаешь здесь находиться! Постоянно! Безвылазно! Если появятся умные мысли – звони, но отсюда – ни шагу!

Когда мы отъехали, начальник с тоской в голосе произнес:

– Неужели действительно придется все заново?! Это ж кошмар! Какие сроки! Какие затраты! За всю жизнь не отмоешься от позора!..

– Это непредвиденный случай, – сказал Кусаев, – форс-мажорные обстоятельства.

– Как же! – моментально откликнулся Лемех. – Рабочий не зачеканил как полагается стык, какие здесь обстоятельства?! Пьянка – вот и все обстоятельства! Это же дураку понятно!.. Ни на каких проектантов нам ничего свалить не удастся, готовьте свои головы подставлять под топор!

И здесь меня как будто шилом саданул кто-то в бок.

– Я тут разговаривал недавно с одним мужичком, – произнес я каким-то не своим голосом, – он говорил, что знает, как решить нашу проблему.

Сказал и подумал: «Зачем несую эту ахинею?!» Я чувствовал, что моими словами управляет не разум, а что-то другое, неподвластное мне. Представлять Афанасия этим серьезным людям в роли спасителя, по меньшей мере, было ребячеством.

– Да так, – спохватился я и попробовал выкрутиться. – Разговор был случайным, у моего дяди за выпивкой, и этот человек показался мне хвастуном и ханыгой.

Лемех немедленно повернулся назад и посмотрел на меня с интересом.

– Не скажи. Среди этих, казалось бы, пропащих людей имеются большие умельцы. Кто он?..

– Да я толком не знаю, – сказал я, продолжая мысленно ругать себя за язык. – Он не мой, а дядин хороший знакомый, сосед. По-моему, он – просто пьянчужка! Они всегда – хвастуны!.. Надо подождать, что скажут проектировщики...

– А мы сейчас к ним и едем!

На разборку с проектировщиками (никто из них, кстати, даже не извинился за не появление в Грачевке) ушло несколько дней. Я и Лемех три раза еще выезжали к ним с целью найти повод сделать их соучастниками случившегося, но ничего из этой затеи не получилось. Наши, местные проектанты, сразу же заявили, что водозабор разрабатывали не они, а у них, у проектировщиков, дескать, не принято влезать в чужие решения. Посоветовали обратиться к авторам разработки. Мы обратились, нашли ту, иногороднюю организацию, там нас отфутболили тоже. Говорят: мы пользовались инженерными изысканиями, которые нам прислали от вас. Если изыскания верны – пловуна в месте, где построен колодец, быть не должно. А если он есть, и колодец все-таки выполнили, и он начал действовать – ищите виновных у строителей: значит, строители сделали брак – и в пловунах строят подобные сооружения.

Строители – это мы, ПМК. Круг, как говорится, замкнулся.

Не удалось нам «показать свои зубы» и в тресте. Лемех дважды ездил туда и разговаривал со своим предшественником, возвращался в подавленном состоянии. Наш бывший начальник сразу же от всего, по словам Лемеха, открестился: ты, говорит, хозяйство принял, замечаний не было, все было отлично, зачем же сейчас меня туда тянешь?.. Недостатки есть недостатки. Решать их надо на уровне ПМК... Управляющий трестом тоже старается быть в стороне: давайте, говорит, предложения, деньгами постараемся подкрепить.

– А у нас разве есть предложения? – вопрошал Лемех затравленно. – Кроме, разве того, что выдвигает Кусаев – все строить заново?!..

Он с осуждением смотрел на меня и на главного инженера: мы теперь почти не выходили из его кабинета.

После одного из таких бесполезных сидений и уклонений от вызовов к телефону, Лемех обратился ко мне:

– Устрой мне встречу с твоим умельцем!

Я опять был готов откусить свой язык за то, что он наболтал там, в машине. Мне становилось нехорошо от одной только мысли, что я отвечаю за встречу таких абсолютно разных людей, как Лемех, руководитель, пусть бывший, областного масштаба и вороватый хвастун Афанасий. Конечно, Лемеху приходилось встречаться, хотя бы у нас, с типами и почище, чем Афанасий, но эти встречи – начальника с подчиненными. Мой же «умелец» сюда приглашается для разговора на равных. Лемех будет даже в зависимом положении – ему придется идти на условия Афанасия, а что тому взбретет в голову?..

Я сделал еще одну попытку отвертеться от предстоящей мне миссии, но Лемех уже принял решение.

– Все! Хватит! Вас я уже досыта наслушался! Бери завтра машину и доставь его ко мне!.. Он где работает?

– Слесарем, говорил дядя, на ликеро-водочном производстве. Да пьяница он! – почти взмолился я. – Да и знаю-то я его – всего ничего: встретились один раз случайно у дяди... Мне неудобно даже всерьез о нем разговаривать!

– Неудобно будет потом, когда пьяница этот утрет носы вам, трезвым и образованным!.. Он сможет приехать?

– Не знаю. Я говорил с ним больше недели назад, он был, кажется, в отпуске...

– В отпуске, говоришь? – Лемех посмотрел на часы. – Значит, он сейчас может быть дома. Едем к нему!

Мы переглянулись с Кусаевым, Лемех перехватил этот взгляд и решительно повторил, понимаясь из-за стола:

– Едем немедленно! Втроем! Будем уговаривать товарища... Как его имя?..

– Афанасий, – промямлил я.

– Будем уговаривать товарища, нет, господина Афанасия вытащить нас из дерьма!

От ПМК до города было километров пятнадцать, и когда мы подъезжали к окраине, Лемех негромко проговорил:

– Ты утверждал, что он пьяница?..

– Ну конечно! – воскликнул я, полагая, что начальник одумался. – Натуральный! Пробу некуда ставить!

Но у него на уме оказалось другое.

– Заверни к магазину, – сказал он шоферу и, когда машина остановилась, протянул ему деньги. – Возьми водки пару бутылок, хлеба, что-нибудь на закуску, минералки тоже возьми.

Задание это шофер выполнил быстро.

– Куда теперь? – Лемех повернулся ко мне, и я рассказал, как ехать нам дальше.

Когда машина подъехала к ветхим воротам, Лемех сказал:

– Мы тут пока посидим: неудобно разу нагряться целой толпой, а ты сходи, подготовь своего родича, пусть он Афанасия пригласит.

Я открыл калитку, шагнул во двор и сразу определил, что почва для разговора уже подготовлена, но только не для такого, который, по моему мнению, должен был нас устроить. Опять возле летней кухни был виден маленький стол, на нем – знакомый белый бидончик, опять – вобла, стаканы. Над столом маячили почти красные лица моего дяди и Афанасия. «Прописался он здесь теперь, что ли?» – подумал я удрученно.

Афанасий был в той же рубашке с закатанными рукавами и в тех же мятых штанах. Я встал у ворот, размышляя: не поворотить ли назад, и придумать что-то такое, чтобы встреча не состоялась? Но дядя уже кричал во все горло:

– Иди, иди! Ты здесь всегда вовремя!

Я подошел к столу, поздоровался за руку с дядей и Афанасием, внимательно в то же время глядя в их глаза: старался определить степень их трезвости. «А, будь, что будет!»

– Я не один, – произнес я многозначительно. – Есть разговор с Афанасием...

Тот ухмыльнулся, наливая пиво в стакан.

– Опять про колодец?.. Ничего не сумели?..

– Про колодец, но теперь не со мной. Начальник захотел с тобой побеседовать. Как, сегодня это возможно? Или оставить на другой раз?..

– А это как у вас терпит. Я готов, хоть когда, можно и сейчас, – сказал Афанасий с той же ухмылкой и блеснул золотой коронкой. Я вспомнил, что какая-то челюсть у него выпадала при разгрызании утинового черепа.

Дядя резко поднялся со стула.

– Чего же ты их за воротами держишь?! Пойдем, зови их, а здесь уже разберемся: что и к чему.

Он первым вышел на улицу, наклонился к дверце машину и доброжелательно в нее прогудел:

– Идемте ко мне, там обо всем потолкуем.

Лемех с Кусаевым вышли, шофер остался в машине. В руке у Кусаева была сумка, как я понял, с провизией.

– Пойдемте, пойдемте, – показывал дядя на стол. – Правда, у нас по-походному, гостей мы не ждали, но пивком угостим...

– Спасибо, – произнес Лемех. – С удовольствием составим компанию... Познакомь нас, Владимир Михайлович...

Мы уже подошли к столику.

– Это – мой дядя, Алексей Васильевич, – объяснил я. – А это – его сосед, Афанасий, о котором мы говорили.

Афанасий поднялся, и все обменялись рукопожатиями. Лемех и Кусаев представились сами, назвав свои имена и отчества.

Дядя вынес из кухоньки еще стаканы и три табуретки.

– Присаживайтесь...

– Давай, Анатолий Степанович, – кивнул Лемех Кусаеву, и тот начал опоражнивать сумку.

Я помогал Кусаеву сервировать стол, Лемех осматривал двор, домик.

– Дом надо бы приподнять, – заметил он, – поставить на бетонный фундамент.

– Надо бы, – усмехается дядя. – Думаю вот, да все никак мочи не хватает...

– А племянник на что? – Лемех бросил взгляд в мою сторону. – Вот разберемся мы с одной закавыкой и – бери его за рога! Он может забросить сюда оголовки от свай, цемент и кирпич выпишу без наценок...

Разговор плавно перешел в нужное Лемеху русло. После первого тоста за знакомство и здоровье присутствующих, он поставил стакан и сказал Афанасию:

– У нас, собственно, к вам разговор...

– Ясно, – кивнул головой Афанасий. – Про колодец... Давай лучше на «ты» – так быстрее пойдем друг друга.

– Согласен... У нас проблема с колодцем.

– Знаю. Михалыч как-то рассказывал – нужно зачистить от ила.

– И что? – сощурился Лемех.

– Раз нужно – зачистим... Если договоримся... Какая там глубина?

Лемех повернулся к Кусаеву:

– Анатолий Степанович, изложи, пожалуйста суть.

Кусаев так же, как и я в прошлый раз, прутиком на земле начал вычерчивать схему водозабора. Афанасий, поняв, что появилась возможность подзаработать без особого риска, внимательно вникал в слова и рисунок и задавал уточняющие вопросы. Кусаев подробно и уважительно разъяснял.

– Так я и думал, – подвел черту Афанасий. – Диаметр колец там, говоришь, один метр, да столб песка – в шесть... С подготовкой делов дня на три – четыре... За два с половиной куска вычищу.

– За две с половиной тысячи? – уточнил Лемех.

– Да. Только чистыми, на руки...

– А как собираешься ты это сделать? – заволновался Кусаев. Он, казалось, чувствовал себя уязвленным.

Лемех с неодобрением посмотрел на него.

– Как – это мое дело, – веско ронял слова Афанасий. – Если сумма устраивает, тогда – по рукам?!

– Ну, все же? – не унимался Кусаев. – Не лопатой же ты будешь там ковыряться?.. Такое мы уже делаем. Наверно, нужна какая-то техника?

– Из техники будет нужен воздушный компрессор, ну, сварочный агрегат, пара центробежных насосов... Есть это у вас?..

– Есть.

– Ну, тогда все. А остальное – так, мелочи... Да сделаю я, не бойтесь! Железно, что сделаю!.. Давай, наливай еще по чуть-чуть.

Дальше разговор пошел на отвлеченные темы. Лемех его почти не поддерживал, он стал сосредоточен, задумчив. Думаю, что я его понимал: Афанасий, хотя и запросил солидную сумму, пойти на это было возможно – сейчас тратится тоже немало, а главное – бесполезно. Но вдруг это – блеф?! Скажут: совсем потеряли рассудок, доверились какому-то проходимцу!.. Не лучше ли остановиться на том, что предлагает Кусаев? Настаивать на непредвиденных факторах, на воздействии непреодолимой силы?.. В этом случае все становится на места: он, Лемех, будет вообще в стороне – строилось до него; будет новый проект, новые деньги, ПМК все равно необходима загрузка... И в Грачевке с обстановкой смирились, крики их поутихли, им дали еще водовозок.

Я посматривал на начальника и был уверен, что именно эти мысли терзали его поникшую голову.

Наконец он что-то надумал, скулы и взгляд его стали твердыми.

– Ну, спасибо за гостеприимство, – он поднялся и пожал руки дяде и Афанасию. – Нам пора... Значит, сделаем так: завтра, часикам к двум подъезжай к нам на базу, там мы все в деталях обсудим и заключим трудовой договор. Как, устраивает?..

Афанасий утвердительно кивнул головой. Лемех опять задумался, а у машины сказал:

– Мне все же надо поговорить с управляющим. Вопрос даже не в сумме – мы теряем там больше, – а в том, как ее выплатить. Если платить штатным работникам, делают они чего-нибудь или вольнят, там все на виду: на них табель ведется, наряды, пусть липовые. Там, если проверка какая – весь коллектив за тебя, глотки у всех луженые. А здесь – напротив, будут нашептывать: а вы вон там посмотрите, вон туда загляните. Здесь рискованно без прикрытия сверху... Давайте немного подкорректируем наши планы: я с утра завтра – в тресте, оттуда звоню в ПМК. Если будет все согласовано, ты, Владимир Михайлович, седлаешь любую машину и везешь Афанасия. Предупреди его об этом сейчас. Пусть сам он не едет, а ждет здесь тебя.

Я сказал, что все понял, добавил, что до дома доберусь как-нибудь сам, попрощался с Лемехом, Кусаевым, шофером и снова вошел во двор. Дядя и Афанасий, качаясь, как неваляшки, что-то одновременно говорили друг другу.

Я сказал Афанасию, что ситуация несколько изменилась.

– А куда ж я поеду? – качнулся он в мою сторону. – Он же не сказал мне – куда. И опять же – на чем?.. Транспорт за вами – лично я так считаю... А-а, – пьяно махнул он рукой, – куда сейчас вы без меня денитесь?!..

– Ну, я тебя, в общем, предупредил. Если что – сам за тобой приезжаю...

В тресте Лемех пробыл недолго. В десять часов он уже был в ПМК, позвал меня и Кусаева и сообщил:

– Управляющий, в принципе, с суммой согласен. Засомневался только в реальности замысла. Пытался все разгадать способ зачистки при помощи компрессора, насосов и сварки, строил разные технологические цепочки, но так и не пришел ни к чему... Договор, говорит, заключайте. Но деньги – только после выполнения работы, никаких авансов... Что ж, Владимир Михайлович, вези сюда Афанасия, специалиста по пьянке и зачистке шахтных колодцев. Бери мою машину и вези прямо сейчас, а то всякое может случиться...

Афанасий был дома, и вышел ко мне все в том же своем постоянном, наверно, наряде.

– Ну что? – почесал он живот и зевнул. – Поехали?..

– Да, я за тобой. Как ты, за сегодня не передумал? Не многое на себя берешь?..

– Поехали! Я-то не передумал. Лишь бы он заплатил без обману.

– Паспорт с собой?

– Взял, – пробасил Афанасий и открыл дверку машины.

Дорогой он все выяснял у меня: надежный ли человек мой начальник?

– Я свое дело сделаю, а он начнет мозгу канифолить. Мне надо так: работу принял и – деньги на бочку!

Опасения Афанасия были, вероятно, обоснованы тем, что ему уже случалось встречаться с обманом. Я был лоялен к начальнику, и, с учетом того, что слова мои слышит шофер, произнес:

– Я ему доверяю! Но сейчас я только в роли посыльного, так что обо всем с ним решай только сам. Ни за тебя я перед ним не ручался, не буду ручаться и за него...

В ПМК я также держался этой заявленной линии своего поведения: отвел Афанасия к Лемеху в кабинет и ушел. Финансовые переговоры – дело всегда щекотливое, пусть они, думаю, говорят без свидетелей, тем более – Лемех меня не остановил.

И все же мне не удалось оставаться в роли стороннего наблюдателя. Едва я вплотную занялся своими делами, как в ПТО пришел Дашуков, начальник отдела труда и зарплаты, за свою въедливость и постоянно настороженный взгляд он в ПМК имел прозвище «инквизитор». Подойдя к моему столу, Дашуков сказал мне пониженным голосом:

– Надо бы потолковать...

Мы вышли из комнаты и уединились в конце коридора у окна, выходящего на пустырь. Дашуков закурил сигарету, и я заметил, что руки у него подрагивают: «Чего-то занервничал!»

– Хреновина какая-то получается, – заговорил он. – Вызывает меня Кусаев и велит составить трудовой договор на три тысячи и, представляешь, на одного человека! Якобы, по заданию начальника... Ты чего-нибудь слышал об этом?..

– Так, краешком уха... Тебя-то чего здесь волнует? За сумму отвечают они, твое дело – только оформить.

– Да, но проверку начинают с меня! Начальству чего – дал указание, а ты, то есть, я, обязан предусмотреть все последствия. А здесь мне ничего не понятно. Если бы бригада на эту сумму – одно положение, а то – всего один человек! Ему же табель надо заполнять на полгода!.. А потом – что в нарядах писать?.. Потому к тебе и пришел: если ты в курсе – давай мне объемы работ, я расценю, и тогда можно будет составлять договор.

– А к Лемеху ты не ходил?

– Нет. Неудобно, понимаешь ли: подумают, что я Кусаева проверяю.

– Здесь разговор идет об аварии в Грачевке на водозаборе, – решил я просветить немного Дашукова. – Нашелся один эрудит, который берется за эту работу. А объемы... Напиши так: выемка насыщенного влагой грунта из колодца вручную ведрами при постоянном поступлении такого же грунта через трещины в стыках колодца. И это действительно так!.. Он будет вычерпывать этот песок до посинения, до второго пришествия, во времена всех проверок! А если не вычерпает, то ничего не получит! Договор этот отправят в сортир!.. Скорее всего, он там и окажется... А насчет того, что – один, можешь поступить так: напиши, что он представляет бригаду. «Бригада из десяти человек в лице такого-то...», и так далее... Фамилию он тебе сказал?

– Нет.

– Ну, значит, скажет. Я ее тоже, кстати, не знаю. Знаю, что он – Афанасий, и что он из Сибири.

– Значит, здесь все чисто, по-твоему?

Дашуков еще не закончил меня потрошить, когда нас с ним позвали к начальнику ПМК.
– Вот человек, – сказал ему Лемех, указывая на Афанасия. – Вот его паспорт. Тебе Кусаев сказал насчет трудового соглашения?

– Да, сказал... Составить договор на три тысячи.

– На три?! – Лемех приподнял в удивлении брови. – Ах, да: там же ведь вычеты... Ты посчитай так, чтобы к выдаче было две с половиной... Сколько время потребуется?

– Часам к трем сделаю... Черновик покажу раньше.

Лемех кивнул головой и отпустил Дашукова, а мне велел оставить другие дела и снарядить Афанасия всем, на что он укажет.

– Говори, что тебе нужно? – спросил он Афанасия сам. – Рабсила у нас есть на объекте. Говори еще раз, чего надо из материалов и техники?

Афанасий закурил сигарету без фильтра и начал перечислять:

– Пара насосов, один из них – погружной, лучше всего – «Гном». Про сварку и компрессор я уже говорил. Для чеканки свища – цемент, пакля... Гибкие шланги у вас имеются?.. Какими выгроба зачищают?

– Есть, – ответил я. – Лежат в неликвидах на складе.

– Тогда все. Стальную трубу мы подберем по диаметру шланга... Трубы и сварка здесь есть?

– Есть, – сказал ему Лемех.

– Тогда все, – повторил Афанасий и посмотрел на меня. – Пошли, Михалыч, будем готовиться...

Со склада мы взяли один гофрированный шланг, по его диаметру нашли стальную трубу, на токарном станке нарезали ее на куски: четыре штуки длиной по полметра, один – на полтора. В конце длинного отрезка Афанасий велел просверлить отверстие, просунуть в него трубу диаметром в дюйм, обварить ее в месте прохода и изогнуть. Получилось какое-то непонятное мне сочетание.

– Сибирские хитрости? – спросил я, разглядывая загадочную конструкцию.

– Афанасий оскалил в улыбке крупные зубы.

– Никак и у тебя заиграло?.. Пока потерпи, братан, приедем на место – там все растолкую.

Я не понял, что во мне могло заиграть, но мысль он подал интересную: а почему бы мне действительно не поехать?.. До этого я старался быть в стороне от причастности к Афанасию, и все равно опасался, что, при его неудаче, камни полетят в мою сторону – ведь это я вывел на него руководство. Сейчас же его уверенность и деловитость пробудили во мне любопытство. Я положил сваренные вместе железки к другим заготовкам и сказал, что не против взглянуть, как это все работает.

Наши рабочие с интересом наблюдали за тем, как носатый долговязый мужик, похожий на бомжа, таскает за собой начальника ПТО и по-хозяйски дает ему указания. Указания эти, я повторяю, были четкими и вразумительными. Мы уложились часа в полтора. В конце Афанасий потребовал дюритовый шланг длиной метров двадцать по диаметру стальной дюймовой трубы.

– Таких, – он показал на гофрированный рукав, – потребуется штук пять. Когда компрессор будет на месте, можно и начинать.

– Компрессор уже погнали, возможно, он там.

– Тогда дело за договором.

Мы пошли с ним в контору.

– Все подготовлено, – доложил начальнику Афанасий, – мы можем ехать.

– Мы? – переспросил настороженно Лемех. – Кто это мы?..

– Да вот Михалыч сильно интересуется, – Афанасий кивнул головой в мою сторону. – Я не супротив: он еще молодой, пускай поднаучится.

Лемех перевел взгляд на меня.

– А что, – простодушно подтвердил я, – поеду: я ж там – куратор.

– Вот оно что, – процедил Лемех брезгливо.

Взгляд его, ставший острым и отчужденным, буквально высверливал во мне скважины. И до меня вдруг дошло, почему Лемех так смотрит. В упор. Как смотрят на негодяев. Меня ударило в жар, я чувствовал, что обливаюсь потоками пота. «Он же думает, что это я все подстроил! Что все решения – мои, а Афанасий – так, пешка, пешка, которую ловко я подставляю! Пешка, нужная для того, чтобы содрать с организации деньги! Если бы я просто сказал, как нужно выправить положение – меня и благодарностью могут не удостоить, а так – огромные деньги!»

Весь набор этих мыслей бурно зафонтанировал в моей голове. «Боже, вот так история!»

– Да я, собственно, так, – забормотал я, – я на подхвате в его делах. Он может и один поехать туда, если хотите...

– Вот он один и поедет! – отрубил Лемех. – Поедет с Кусаевым!

И он вызвал к себе главного инженера.

– Ты когда готов выехать? – Лемех смотрел на Афанасия испытующе.

– А хоть сейчас! – ответил тот беззаботно, не подозревая, какая драма возникла вдруг между мной и начальником. – Я сейчас в отпуске, дома предупредил, что могу и с ночевкой уехать... Только без договора я не начну!

– Об этом не беспокойся, – Лемех похлопал рукой по бумагам, лежащим перед ним на столе. – Договор – вот он... А вдруг ты морочишь нам голову?... Мы туда гоним тяжелую технику, людей на тебя замыкаем, а ты даже не намекнешь, как все там будет происходить!.. С твоей-то стороны, какие гарантии?!

Афанасий зевнул, демонстративно распахнув свою пасть во всю ее ширь.

– Так ты, никак, на попятную? – спросил он спокойно. – Дело хозяйское. Только учти – если сейчас ты откажешься, в другой раз я впятеро запрошу. А без меня у вас – дохлое дело. Спецы у тебя, вижу я, хлипкие... Так что подумай, как поступить.

Лемех угрюмо, не отрываясь, смотрел в глаза Афанасию, потом подвинул к нему бумаги.

– Читай. Подписывай, если согласен.

Пока Афанасий изучал договор, Лемех инструктировал главного инженера:

– Передашь его Шакину и возвращайся. Шакин пусть с ним там занимается, пусть там все как надо организует. Пусть потом выберет время и приедет сюда, передай ему, что он нужен... Ты когда сможешь поехать?

– Да лучше – сейчас, – Кусаев посмотрел на часы, потом – на меня, хотел, видимо, что-то спросить, но не спросил. – Сделаю так, как вы говорите.

– Ну, действуйте. Готовь там машины, а он – кивок в сторону Афанасия – он сейчас подойдет... Организуйте ему там ночлег и столовую...

Кусаев повторил, что все сделает, и ушел. Афанасий подписал договоры и возвратил их начальнику.

– Теперь подписывай ты, ставь печати...

Лемех снисходительно усмехнулся, достал из сейфа печать и тиснул ее на свою подпись. На меня – ноль внимания. Я чувствовал себя гадко, стоял, как оплеванный.

– Вот тебе экземпляр, – Лемех продолжал говорить с Афаеасием. – Чего еще от меня тебе требуется?

– Пока ничего... Сегодня четверг?... Готовь к понедельнику деньги...

– Так ты, Михалыч, не едешь? – Афанасий повернулся ко мне.

– Не едет! – ответил за меня Лемех. – У него другие дела!.. У тебя там помощников хватит... Или он тебе нужен?... Нет?... Ну, тогда все свободны!

Если появление язвы связано с сильными переживаниями, как это утверждает Нина Петровна, то моя язва возникла именно в тот момент. Даже сейчас, в больничной палате, вспомнив свое состояние под испепеляющим взглядом начальника, я почувствовал щемящую боль в том самом месте, где расположен желудок.

Что я мог тогда ему возразить? Ведь он меня ни в чем словами не обвинял. Не будешь же объясняться на взгляды!..

Я вышел из кабинета и долго стоял у окна в своем отделе, наблюдая, как на бортовой Зил загружают трубы, шланги, какую-то проволоку, как Афанасий садится в «козлик» Кусаева и они отправляются с базы. За ними выехал Зил и, помахивая ковшом, колесный экскаватор «Беларусь».

«Он, помнится, экскаватор не называл», – подумал я отрешенно, и меня опять захлестнули мысли о том, что я выгляжу в глазах Лемеха отпетым мошенником.

На другой день утром Кусаев докладывал:

– Доставил, устроил. Передал Шакину все, что вы поручали. У него там дела – совсем швах! Целую гору песка вокруг здания наворотили, а в колодце его уровень – тот же... Как Шакин увидел, кого я ему привез на подмогу, глаза у него стали круглыми: Афанасий очень непредставительно выглядит... Афанасий все спрашивал: почему не поехал Владимир Михайлович?

Я во время доклада Кусаева находился у Лемеха и прямо физически чувствовал, как начальник своей ехидной ухмылкой сдирает с меня шкуру.

– Ничего, – сказал он, – Владимир Михайлович такому специалисту не нужен, ведь верно?..

Я пожал плечами.

– Вам виднее... Я вам говорил о нем свое мнение, но вы велели его привезти. Вы сами решили о его привлечении.

– Ну, хорошо, хорошо. Разбор полетов, как говорят авиаторы, будем делать потом, после полетов. Подождем, что привезет Шакин оттуда... Кстати, как там они?

– Делают вид, что работают. Черпают потихоньку, а больше – пьянствуют. Знают, что работа их бесполезна...

Я понимал, что попытка отмежеваться от Афанасия теперь мне ничего хорошего не принесет: в случае его неудачи, а она казалась мне почти стопроцентной, Лемех только укрепитесь в своем подозрении против меня. Но что оставалось мне делать? А ведь я говорил только правду...

Потянулись невыносимо кошмарные дни, ночи были еще тяжелее.

Шакин появился на базе в конце понедельника, Он сиял, как медный начищенный таз. Лемех нас (Кусаева, Шакина и меня) немедленно вызвал к себе.

– Рассказывай! – потребовал он, усадив Шакина перед собой. – Мы все тебя внимательно слушаем!

Шакин ослепительно улыбался.

– Считаю, что завтра закончат!.. Ну и мужик!!! Я-то думал сперва, что он – забулдыга, так оно, наверно, и есть: бутылку каждый вечер высасывал, но и по делу он – зверь!

– Ты давай толком докладывай! – перебил его Лемех. – Какой-то эффект действительно есть?

Он озадаченно посмотрел в мою сторону, и я почувствовал, как с меня отстают пласты липкой грязи.

– Не то слово! – Шакин захлебывался от восторга. – Они сегодня зачистили так, что мы смогли этот шов зачеканить. Я на чеканку своих работяг поставил: они напортачили – пусть теперь и сами исправят.

– Что, что?! Уже добрались до свища?! – Лемех подался вперед.

– Ну да. Добрались. Только свищ там большой, почти в треть диаметра. Начали с одного конца зачеканивать, а в него ил так и прет, ноги заваливает моментально! Ну ничего, в крайнем случае, они еще разок откачают.

У Лемеха, Кусаева, да, наверно, и у меня лица вытянулись от удивления. У меня душевная тягостность сменялась чувством обиды на Лемеха.

– Что же он там такое придумал? – проскрипел голос Кусаева.

– Не знаете?.. Все оказалось так просто!.. Это – метод эрлифта! Его применяют на буровых, на рудниках, да еще много где! Мы тоже его изучали когда-то.

Шакин достает из своей папки чистый листок и быстро рисует разрез колодца.

– Вот он – прорвавшийся грунт. Теперь... Опускается гофрированный шланг, на его конце – стальная труба, а в ее самый конец подается от компрессора воздух. Получается водовоздушная смесь. Пульпа... В колодец в это же самое время подается вода. Совхоз сначала качал ее через пожарную помпу, а потом мы свою центробежку пустили... Так вот, получается разность удельных весов в трубе и в колодце, и смесь выдавливается на верх. Так здорово получается – прямо черная масса идет! За час сантиметров на сорок грунт понижается!

Лемех дотошно выпрашивал все технические подробности, Кусаев и я тоже внимательно слушали: с таким методом до сих пор нам встречаться не приходилось.

– А через щель? – уточнял Лемех. – В это время новый плавун разве не поступает?

– Может и поступает, но очень немного: мы же воду в колодец закачиваем до полна. Создается противодавление... Вот, когда грунт понизили, воду насухо откачали, вот тогда он и попер!.. Но это уже не страшно: щель, хоть и длинная, но она узкая, чеканится быстро. Сегодня они ее всю зачеканят, раствор за ночь встанет, а завтра с утра продолжают зачистку до самого дна. Афанасий так обещал. Ну, мужи-и-к! Светлая голова! А на вид – ханыга-ханыгой!

– Н-да, – произносит задумчиво Лемех. – Что ж, будем надеяться... Ты, Шакин, завтра снова туда. Если все будет так, как ты говоришь, то запускай оборудование и возьми заключение в совхозе об исправности водопровода. Без него ты мне здесь не нужен!.. А мужика этого больше, чем надо, там не держи: он свое дело сделал. Пришли его с попуткой сюда, за расчетом.

Мы расходились под осуждающим взглядом начальника: еще бы, сиволапый алкаш утер нос заносчивым специалистам! А меня на Лемеха сжигала обида. Я почти не выходил из своего ПТО, делал вид, что завален работой.

Об Афанасии в конторе сочинялись легенды. Когда его доставили из Грачевки, на него выходили смотреть как на знаменитую личность, как на звезду. Я не ходил. Мне даже встречаться с ним не хотелось. Слышал, что рассчитали его без задержки и домой повезли на машине начальника. Большим деньгам его никто не завидовал: знали, что он получил их за дело.

Жизнь в ПМК вошла в обычную свою колею, но только не для меня. Я чувствовал себя незаслуженно оскорбленным, и при встречах с Лемехом был подчеркнута официален.

Как-то в пятницу вечером, когда в служебный автобус, развозивший работников ПМК, уже почти все ушли из конторы, и я торопился туда же, в отдел зашел Лемех.

– Задержись, Владимир Михайлович, – мягко произнес он. – Поедешь со мной. Нам надо объясниться... Ты на меня не сердись... Не обижайся... Мы, по существу, еще мало знаем друг друга...

Когда же мы подъезжали к городу, Лемех спросил:

– Давно не был у Алексея Васильевича?.. Давай возьмем бутылочку коньяка и заглянем к нему? А?.. Я ему все-таки пообещал насчет ремонтадомишки. Как ты, не против?

– Я, конечно, не возражал.

Вот такие картины в различных их сочетаниях и последовательностях, с различными степенями подробностей прокручивались в моей памяти. Они помогали мне отключаться от безрадостной больничной среды и коротать время, которое тянулось здесь, как резина, и совсем не казалось чем-то бесценным.

Вчера Нина Петровна сказала, что язву у меня обнаружили, но она не большая и сейчас в положении ремиссии, что означает период затишья. Через два дня меня выпишут.

– Все будет у вас хорошо, – уверяла Нина Петровна, – если будете выполнять мои советы и наставления.

Советы были такими: регулярный прием лекарственных препаратов, диетическое питание и, главное, спокойная жизнь.

Ну что же, буду стараться их выполнять, тем более, что и последнее осуществимо: до конца года еще далеко, с Лемехом мы, похоже, сработаемся, авария ликвидирована, других таких быть не должно – другие проекты просты, как огурец. А если все же что и случится, тоже не катастрофа – на свете есть Афанасий с его арсеналом уникальных знаний и опыта.

Мне очень хотелось (и до сих пор не пропало это желание) разгадать феномен Афанасия, выяснить, как он обретал свои знания, где и кем он работал в Сибири, что заставило его сузить круг интересов до шабашек и выпивки, так неряшливо одеваться. Но, увы, ничего пока что не получается. Афанасий уходит от подобных вопросов, замыкается, сразу хватается за стакан. Свою прежнюю жизнь он свернул в лаконичную формулу: «У нас в Сибири», и в ту жизнь никого не пускает.

2003 г.

Полезный совет

Пенсии. Они смехотворно малы и в то же время бесценны: для многих семей это главные, а часто единственные средства существования. Достоинно пожить на достойную пенсию – голубая мечта уходящего поколения.

Известие о повышении пенсий быстротечной волной бежит от Москвы до самых далеких окраин и приводит страну в возбужденное состояние.

Первым о намеченном повышении сообщает обычно сам Президент, эту не лишнюю приятностей миссию он предоставляет себе. Он обстоятельно говорит, когда и насколько будут увеличены пенсии в текущем году, называет твердые даты, проценты и суммы. На его слова народ реагирует бурно. Каждый в грядущем событии ловит свои интересы.

Простые горемычные женщины, зажав в кулаке все наличные деньги, устремляются за покупками: они по опыту знают, что это объявлена гонка за ценами.

– Мария! – кричит через двор соседка соседке, – Бежим скорей на базар! Слышала: пенсии повышают?..

– Так это когда еще будет!.. Да и нет у меня сейчас ни копейки...

– Займи! – вразумляет соседка. – Пенсии будут не скоро, зато цены – сейчас!

Рванулось со старта и все исчадие рынка. Торговцы алчно малюют на ценниках новые цифры, гонят вверх свой тариф энергетики, коммунальщики, транспортники, связисты. Всяк норовит откусить посочнее кусок пирога, на который еще только замешено тесто. И умудряются так откусить, что задолго до заветного дня весь пирог получается съеденным.

Но бывает и так: о повышении пенсий объявлено, сроки подходят, а денег у правительства нет. У него вдруг возникли неожиданные дыры или расширились старые: экономика-то не плановая, ведет себя так же непредсказуемо, как пароход без руля – мало ли куда он заедет!

И бравые капитаны решают проблему за счет поседевшего экипажа. Без зазрения совести они залезают в карман стариков, людей, отстоявших по-честному все свои вахты. Теперь старики капитанам уже не нужны, теперь для них они – лишний балласт, теперь с ними можно без церемоний!

Иногда капитаны снисходят до объяснений: инфляция, мол, не дошла до расчетного уровня, значит, прибавка не обоснована. Срок повышения пенсии или пропустят, или так обкорнают прибавку, что ее и в микроскоп не заметишь.

Получивши увестистый кукиш взамен долгожданной прибавки, народ негодует, и уже другая волна, волна возмущения, катится по стране, теперь по обратной дороге – от окраины к центру. Отовсюду слышатся крики: опять обманули! Да сколько же можно?! Но бутафорские капитаны давно к возмущениям привыкли, уже адаптировались. Их уже просто криками не проймешь.

Не спокойно в такие периоды и в коммунальной многосемейной квартире. Взволнованные жильцы собираются в общей комнате и пытаются отыскать корень зла в мудро закрученной ситуации.

Домохозяйка Степанова, еще сохранившая веру в порядочность власти, видит причину в ошибке кого-нибудь из подсобных чиновников.

– Да как же он так сосчитал?! – отрешенно бормочет она, находясь как будто в прострации. – Чего он, рехнулся?! Или на рынок не ходит?!

И она в два счета, прямо на пальцах, опровергает издевательский миф об уснувшей инфляции.

В подобные расчеты углубляются и другие. Кто сравнение цен ведет по бензину, кто – по лекарствам, кто – по квартплате. И у всех получается, что цены резко подпрыгнули, что столичный чиновник напутал и подsunул начальству неверные цифры.

Пенсионер Борисов, человек с большой лысиной и средним образованием, долго слушает со скептическим видом рассуждения соседей и наконец не выдерживает:

– Здесь не в арифметике дело и не в каком-то отдельном чиновнике. Чтобы прибавить нам пенсии, нужно где-то собрать на них деньги, а где?.. Страна превратилась в обширное кладбище: предприятия или поумирали уже, или дышат на ладан. А власти не чешутся, ведут себя как зачумленные: все вокруг рушится, а они – созерцают!.. То ли на чудо надеются, то ли на иностранцев. Чудес не бывает, а иностранцы не понесут сюда свои капиталы – они же видят, что из страны последние деньги свои же держиморды вывозят!.. Если так дело дальше пойдет, о прибавлениях забудем, как бы и эту-то пенсию не отняли. А что?.. Объявят, что нету доходов, и все – с них взятки гладки!.. А ты как считаешь, Петрович?..

Борисов чувствует, что заехал в политику, немного встревожился, и ищет поддержку у местного старожилы.

Петрович начинает издали:

– Представьте себе такую картину: идет человек по дороге, и она вдруг ему разонравилась. Решил свернуть в сторону. Свернул. Сделал пару шагов и оказался по пояс в трясине. Как разумный человек поступает?.. Правильно: воротится на твердое место и крепко подумает – нужно ли с него уходить, и зачем?.. А если человек не разумен?.. Он поперет себе дальше по топи, покуда совсем не завязнет. И те, кто потянулся за ним, все увязнут в болоте... Похожее происходит и с нами: видно же, что путь, на который свернули, – погибель, а мы все прем и прем по нему!.. За годы реформ не только не достигли чего-то хорошего, но этим хорошим даже не пахнет! И до сих пор не видать ни одного приятного признака! Ну, нет же нигде!.. Об этом все говорят, пишут в газетах, показывают по телевизору. Каждый день – то убийства, то самолет разбился по неисправности, то обрушился дом. И – ни слова о том, что где-то что-то у нас хорошо заработало. Потому что не о чем таком говорить... Народ живет впроголодь, а мародеры жируют! Загнали послушных людей в непроходимые топи и сосут из них последние соки!..

– Стой, стой, Петрович! – перебил разговорившегося старика Андрей, слесарь трамвайного парка, – У тебя получается, что народ – это овцы! Их погнали на бойню, и они спокойно идут?.. Зачем же идут, если видят, что впереди им хана?..

Петрович пылливо сощурился.

– А ты об этом спроси у себя! Ты и есть этот самый народ... Как, впрочем, и все мы...

– Толковый совет, – усмехнулся Борисов и почесал безволосый затылок. – Вся загвоздка, получается, – в нас же самих?!.. А ведь это действительно так, если задуматься...

О пенсиях в этот день больше не говорили, а в другие, при разборе причин и последствий возникшей проблемы, непременно задавались вопросами: что могли бы мы сами сделать полезного для решения этой проблемы? Что сделали? Что можем сделать теперь, чтобы не быть безответными овцами? И сообща намечают нужный план своих действий.

Совет Петровича оказался полезным.

2003 г.

Потрошенный презент

За ужином, когда большая семья Ивановых перешла к чаепитию, Коля, ученик седьмого класса, интригующе объявил:

– К нам в школу прислали путевку в Москву на все зимние каникулы. Пошлют того, кто напишет лучшее сочинение. Всем велют участвовать в конкурсе, а я не знаю, чего написать...

– Тему сочинений назвали? – деловито осведомился отец.

– Назвали. Тема одна: «Что бы я сделал, если бы стал Президентом?»

– Дореформировались! – саркастически усмехается дед. – Видать, совсем докатились до ручки если у детишек просят совета, как вылезть из пропасти.

– Ты опять за свое! – напустилась на свекра Колина мама. – Во всем видишь только плохое, бубнишь и бубнишь! Как это все надоело!.. Может, просто хотят таким образом выявить перспективных ребят!..

Но дед усматривал нечто другое в этом школьном мероприятии и твердо стоял на своем:

– Агония! Власти чувствуют, что их выгонят скоро поганой метлой, вот и хватаются за соломинку. Знают, однако, что устами младенцев часто говорит сама истина: авось кто-нибудь что-нибудь дельное и подбросит. Своих мозгов, видать, уже не хватает: слишком сильно запудрились.

Колин папа осторожно поддакнул жене, а бабушка встала решительно на сторону деда. Завязавшийся спор разрастался подобно снежному кому, но этот ком покатили в не интересную для мальчика сторону, и Коля воскликнул с досадой:

– Ну и чего же мне написать?!..

Наступило молчание, взрослые затруднялись с ответом: одно дело огульно охаивать власти, обвиняя их во всех непорядках, другое – сформулировать конкретный совет, да еще применительно к детскому возрасту.

Бабушка, работавшая до пенсии врачом в поликлинике, вскоре сориентировалась:

– Попробуй вот о чем написать. Если бы ты стал Президентом, то сразу бы запретил рекламу лекарств во всех средствах массовой информации – в газетах, по радио, по телевидению. И объясни почему: эту рекламу слушают люди, далекие от медицины, они верят рекламе, находят у себя все симптомы болезней и начинают заниматься самолечением. А это очень опасно и вредно. Приведи в пример тетю Тамару, как она наслушалась разных рекламщиков и сама начала лечить ногу, и к чему это привело – лежит, не может ходить даже с клюшкой... Лечение должен назначать исключительно врач, а врачу не нужна реклама, ему нужны научные рекомендации, хороший рецептурный справочник и индивидуальный подход к больному. Вот так все и пиши!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.